

№3
Март 2016

ТУСОВСКИЙ КЛУБ

НОВАЯ ЖИЗНЬ
СТАРОВОГО ТЕАТРА

Стр. 6

Мир без преград

8 (800) 200-77-99

звонок по России бесплатный

www.vtb.ru

ОАО Банк ВТБ. Генеральная лицензия Банка России № 1000

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 293-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

Главный редактор
Александр СВАТИКОВ

Заместитель главного редактора
Владимир ГОЛОВИН

Редакционная коллегия:
Алла БЕЖЕНЦЕВА
Инна БЕЗИРГАНОВА
Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ-ШАДУРИ
Донара КАНДЕЛАКИ
Вера ЦЕРТЕЛИ

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Корректор
Марина МАМАЦАШВИЛИ

Допечатная подготовка
Алена ДЕНЯГА

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
ЗУРАБ АБАШИДЗЕ
ВАЖА АЗАРАШВИЛИ
НАНИ БРЕГВАДЗЕ
ГУДЖА БУБУТЕИШВИЛИ
ГОГИ КАВТАРАДЗЕ
РОИН МЕТРЕВЕЛИ
ИРМА СОХАДЗЕ
ГУЛБАТ ТОРАДЗЕ
ДЖАНСУГ ЧАРКВИАНИ

Армения
КАРИНЭ ХАЛАТОВА

Беларусь
ВАЛЕНТИНА ПОЛИКАНИНА

Великобритания
КНЯЗЬ НИКИТА ЛОБАНОВ-
РОСТОВСКИЙ

Израиль
ДАВИД МАРКИШ

Россия
ЗАУР КВИЖИНАДЗЕ
АЛЕКСАНДР ЭБАНОИДЗЕ
ЕЛЕН ДОРИС

США
АЛЕКСЕЙ ЦВЕТКОВ

Франция
ГРАФ ПЕТР ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА

В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
С-24

РУССКИЙ КЛУБ

№3⁽¹²⁵⁾
Март 2016

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 ОТ А ДО Я
РОБ АВАДЯЕВ
- 6 НОВАЯ ЖИЗНЬ СТАРОГО ТЕАТРА
МАРИНА МАМАЦАШВИЛИ
- 11 ЛЕТЕТЬ ВОСЛЕД ЛУЧУ
ИРИНА КВЕЗЕРЕЛИ-КОПАДЗЕ
- 13 ТРИУМФ ГРИБОЕДОВСКОГО ТЕАТРА
- 14 «ИСПИВШИЙ ТЕРЕКА И ГЛОТНУВШИЙ ВОД АТЛАНТИКИ»
МЕДЕЯ АМИРХАНОВА
- 19 «МАКОВЫЙ ЦВЕТ» ФОТОПОЭЗИИ
ВЛАДИМИР САРИШВИЛИ
- 24 О ЧЕМ ГОВОРЯТ В ТБИЛИСИ (И НЕ ТОЛЬКО)
АЛЛА МАКСИМОВА
- 28 «Я ТРОГАЮ СТАРЫЕ СТЕНЫ...»
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
- 34 ЖИВОЙ КЛАССИК
АНАИДА БЕСТАВАШВИЛИ
- 36 СТИХОТВОРЕНИЯ
ТАМАЗ ЧИЛАДЗЕ
- 38 БЕССМЕРТИЕ ВЕЛИКОГО ПОЭТА
ЛАДО МИНАШВИЛИ
- 42 СОЛНЕЧНАЯ ПОЭЗИЯ МЗИИ
- 44 СТИХОТВОРЕНИЯ
МЗИЯ ХЕТАГУРИ
- 46 СНЫ В ТБИЛИСИ
ИЛЬЯ ЛИСНЯНСКИЙ
- 49 ОСТАЛОСЬ НЕДОСКАЗАННЫМ
ИРИНА ДЖОРБЕНАДЗЕ
- 51 ПАМЯТИ БАЧАНЫ БРЕГВАДЗЕ
- 53 ТЯЖЕЛАЯ УТРАТА
ГУЛБАТ ТОРАДЗЕ
- 54 СКОРБИМ...

На обложке – Отреставрированное здание Театра оперы и балета.
Фото Александр СВАТИКОВ

ОТ ДО

— Роб АВАДЯЕВ

МАРТОВСКИЕ ИДЫ ТРЕХ ИМПЕРАТОРОВ

Так назывался день в середине месяца в Древнем Риме – 15 число в марте, мае, августе и октябре, или 13-е в остальные. Именно на середину первого месяца весны 44 года до н.э., как на последний день в жизни диктатора Юлия Цезаря, указал предсказатель: «Бойся мартовских ид!»». Великий полководец, повстречав его на ступенях Сената, усмехнулся: «Мартовские иды наступили». «Наступили, но еще не прошли», – упрямо настаивал предсказатель. И действительно, самый знаменитый в истории римлянин – родовитый аристократ, военный стратег, талантливый законодатель и писатель, находящийся на вершине власти и в самом расцвете лет, буквально через десять минут был мертв. Его убили оппозиционеры – между прочим, очень патриотично настроенные и порядочные молодые люди – они называли Цезаря проклятым тираном, отнявшим у людей свободу. Это случилось 2060 лет назад.

А 135 лет тому назад – 13 марта 1881 года другие борцы за народное счастье взорвали на Екатерининском канале в Петербурге российского Государя-императора Александра II. Этот самодержец прославился тем, что за 20 лет до этого, представьте на минуточку, отменил крепостное право – позорное явление российской жизни, когда людей продавали, как в древности рабов или скот. Спрашивается, чем не угодил молодым народолюбцам, пожертвовавшим своей жизнью за «правое дело», прогрессивный и человеколюбивый царь? По их мнению, дать-то свободу крестьянам он дал, но... недодал. К тому же, можно добавить еще, что в портфеле убитого Александра Николаевича, был проект долгожданной конституции, превращавший Россию из абсолютной в конституционную монархию. Недотерпели «горячие головы», недотерпели...

А еще 24 марта 1801 года в России – 215 лет назад, в том же Петербурге, менее чем в километре от места гибели Александра Освободителя, другие «горячие головы» лишили жизни его деда – эксцентричного царя Павла I. Но те убийцы были вовсе не борцы за «народное счастье», там был пьяный угар последнего российского гвардейского переворота...

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ «ЗОЛОТОГО ОСТАПА»

Знаменитому Народному артисту Грузинской ССР Арчилу Михайловичу Гомиашвили исполняется 90 лет со дня рождения. Он сыграл во множестве спектаклей и снялся в 27 фильмах. Но для зрителей он навсегда стал Остапом Бендером из «Двенадцати стульев» режиссера Л.Гайдая. Создатель фильмов про Шурика и «Бриллиантовой руки» отказался от 22 известных исполнителей и пригласил на роль Великого комбинатора малоизвестного, но очень опытного артиста из тбилисского русского теа-

тра имени Грибоедова. И не прогадал – фильм удался, зрители были в восторге, а Остап в исполнении Арчила Гомиашвили стал поистине «народным» героем. И хотя отличный актер здорово играл еще полтора десятка лет на сценах московского Ленкома и театра Пушкина, для всех он по-прежнему оставался все тем же изобретательным, обаятельным прохвостом и жизнерадостным из романа Ильфа и Петрова. Скорее всего знаменитый режиссер-комедиограф не ошибся, угадав в характере самого Арчила Михайловича авантюристические черты. В постперестроечное время предприимчивый уроженец солнечной Грузии основал в Мо-

сква процветающий клуб «Золотой Остап». Он располагался в здании в Шмитовском (!) проезде, названном, сказать по правде, вовсе не в честь «детей лейтенанта Шмидта», а в честь мастерских дореволюционного предпринимателя англичанина Смита. Но очевидно, для исполнителя роли Бендера выбор улицы тоже имел значение. В «Золотом Остапе» был великолепный ресторан, славившийся прекрасной рыбной кухней. А сам гостеприимный хозяин стал своеобразной визитной карточкой своего заведения. Он частенько выходил в уютный зал, подсаживался за столики симпатичных ему гостей и лично их угощал особенными блюдами «за счет заведения», как всякий настоящий грузин, он был очень гостеприимным человеком. Многие до сих пор вспоминают его не только как сердечного, доброго и справедливого человека, но в первую очередь, как блистательно-го актера.

«КОРОЛЬ СМЕХА» И «КРУГИ ПО ВОДЕ»

Аркадий Аверченко, которому 27 марта исполняется 135 лет, был, наверное, самым смешным и остроумным автором в истории российской словесности. И мало того, что все написанные им уморительные рассказы раскупались, как «горячие пирожки», он еще их здорово читал со сцены. В те времена, когда кроме печатного слова, не было ничего – ни радио, ни телевидения и пр., творческие вечера, в которых участвовали симпатичные и веселые авторы Тэффи, Саша Черный, Осип Дымов и Николай Ремизов, собирали полные залы в разных городах России. Но «королем смеха» был, конечно же, он – всеми любимый Аркаша Аверченко, высокий полноватый молодой человек в пенсне, за которыми лучились озорные глаза. Он, как в наше время Михаил Жванецкий, перелистывал пачку рукописных листов и с деланной серьезностью зачитывал свои безумно смешные и остросатирические монологи. Это был подлинный кумир публики. Всегда очень опрятный и элегантный Аверченко, тем не менее, издевательски подчеркивал свое нестоличное происхождение. Он подраживал питерскую публику своим «провинциальным шиком» – белым жилетом и очень широкой лентой пенсне. Аверченко действительно приехал из Севастополя. Этот морской город в Крыму был его первым, но и стал последним местом жительства в России: отсюда он 15 ноября 1920 с последним пароходом уплыл с врангелевской армией. Как он шутил – «из питерских варяг в константинопольские греки». В эмиграции – сначала в Константинополе, затем Белграде и, наконец, в гостеприимной Праге Аркадий Тимофеевич не пропал

и даже не особенно бедствовал. Он писал остроумные и едкие фельетоны, особенно про большевиков. Их частенько переводили на европейские языки. Но, как подлинно русский литератор, он все-таки страдал в нерусскоязычной среде. И, представьте себе, его издали даже в советской России. Сам вождь мирового пролетариата Ленин распорядился напечатать его сатирическую книжку, которую назвал «высокоталанливой», хоть и написанной «озлобленным до умопомрачения белогвардейцем». На что Аверченко немедленно откликнулся издевательским «Приятельским письмом Ленину от Аркадия Аверченко», которое начиналось словами «Здравствуй, голубчик! Ну, как поживаешь?», а заканчивалось советом плюнуть на все «ведь сам видишь, что получилось: дрянь, грязь и безобразие» и приглашением приехать в гости лично к нему – Аркадию Тимофеевичу отдохнуть и подлечиться. История умолчала, как отреагировал Владимир Ильич, но он явно до революции был преданным читателем аверченковского «Сатирикона». «Король смеха» умер в Праге от сердечного приступа, не дожив и до сорока четырех лет.

ОТ «ДЕМОНА СИДЯЩЕГО» ДО «ДЕМОНА ПОВЕРЖЕННОГО»

О том, что художник Михаил Врубель – гений, знали все современники, хоть его искусство и не всегда находило их понимание. Несмотря на это, знаменитый собиратель картин и меценат Савва Мамонтов внимательно следил за его успехами и часто давал ему новые заказы. Врубель родился 17 марта 1856 года в сибирском Омске в небогатой офицерской семье польского происхождения. Его мать умерла от чахотки, когда Михаилу не было и трех лет. Все его детство прошло в скитаниях по гарнизонам в разных местах назначения отцовской службы. Отец ходил вдовцом недолго – всего пять лет, а потом женился на француженке Елизавете Весель, которая полюбила сирот Мишу и его сестру Аню, став им настоящей матерью. Она заметила живописный дар у мальчика в возрасте десяти лет

и наняла ему учителей. Учился Михаил сначала в Петербургской пятой гимназии, а потом в знаменитой одесской Ришельевской, которую окончил с золотой медалью. Но юридического факультета Петербургского университета молодой студент не стал оканчивать, решив не защищать диплом – увлекла божественная жизнь и любовь к театру. Средств на это требовалось немало, и Врубель подрабатывал репетиторством и гувернерством. Со своими воспитанниками он поездил по Европе. А потом стал репетитором своего университетского товарища – сына сахарозаводчика Пампеля и «своим человеком в доме». Там к нему относились, как к родному, поощряя дендизм и тягу к прекрасному. А потом началась жизнь и карьера художника – Врубель обратился к живописи. О его творчестве и драматической жизни написаны многие тома. Почти все современники обращали внимание на его необычную внешность и костюмы: «в черном бархатном костюме и в чулках стоял изящный белокурый молодой венецианец с картины Тинторетто или Тициана». Его творчество было многогранным, а картины и церковные росписи были прекрасными. А расписанная им Кирилловская церковь в Киеве стала одним из самых посещаемых туристических объектов для приезжих. Этот самобытный художник стал крупнейшим представителем русского символизма и модерна, создав особого рода «кристаллический рисунок, мерцающего сине-лилового мирового сумрака». В марте этого года Михаилу Врубелю исполняется 160 лет со дня рождения.

НОВАЯ ЖИЗНЬ *Старого театра*

■ **Марина МАМАЦАШВИЛИ**

Тбилисский театр оперы и балета им. З.Палиашвили после шестилетнего перерыва... ожил: здесь вновь звучит музыка, идут репетиции. По вечерам в этом красивом здании на проспекте Руставели вспыхивает яркий свет. Театр распахивает двери в ожидании своего преданного поклонника и союзника – зрителя. Так было и так будет...

СТРАНИЦЫ ДАЛЕКОЙ ИСТОРИИ

Но перед тем как войти в обновленный после реставрации театр, вспомним историю этого здания, долгую и непростую. Весной 1847 года в Тифлисе, на Эриванской площади, там, где недавно засыпали землей огромный овраг, был заложен фундамент здания Караван-сарая с театром. При строительстве театра был применен опыт европейской театральной архитектуры – тип ярусного театра с глубокой сценой-коробкой. Проект принадлежал Джованни Скудиери. Сочетание Караван-сарая и театра, как сейчас сказали бы, два в одном, то есть возможность что-нибудькупить, а потом развлечься, послушать музыку, показать себя и посмотреть других было чрезвычайно притягательной идеей.

Итальянец Джованни Скудиери прибыл в Тифлис вскорости после назначения М.Воронцова наместником Кавказа, очевид-

но, по его приглашению, так как в одесский период своей деятельности зарекомендовал себя замечательным архитектором. Наместник к этому времени уже развил масштабную строительную деятельность в Тифлисе: пробивались новые улицы, строились гостиницы, клубы, банки, доходные дома, учебные заведения. 9 ноября 1851 года состоялась торжественная церемония открытия театра – на тот момент самого крупного театрального здания в Закавказье и самого роскошного во всей империи. Основные отделочные материалы были выписаны из Парижа. В столице Франции заказали и огромную люстру, которую доставили из Марселя пароходом. Люстра весила 1218 килограммов, ее разобрали, уложили в 12 огромных ящиков и с побережья Черного моря медленно и осторожно везли в Тифлис на арбах, запряженных буйволами. Знаменитый парижский декоратор Д'Эбре занимался тем, чтобы

театр выглядел к премьере ослепительно. Партер, ложи двух ярусов и галерка вмещали 700 зрителей. Открытие театрального сезона в Тифлисе оперой известного итальянского композитора Гаэтано Доницетти «Лючия ди Ламмермур» было значительным событием для города. Это был яркий праздник со всем прищущим светской жизни многоцветьем. Как тут не вспомнить Пушкина:

*Театр уж полон; ложи блещут;
Партер и кресла – все кипит;
В райке нетерпеливо плещут,
И, взвившись, занавес*

шумит...

Росписи зала, лепнина, орнаменты, украшавшие стены и потолок, принадлежали князю Григорию Гагарину. В 1848 году он был прикомандирован к М. Воронцову в Тифлис, дабы «в ученом и художественном назначении быть употребленным».

Любопытный эпизод сохранила история из творческой жизни

ле, он, по своей инициативе, с ротой солдат оборудовал и построил небольшой завод картонной массы, из которой создавались украшения. Затраты при этом, как подчеркивалось, были ничтожные. А результат превзошел ожидания.

Первый сезон и 30 оперных спектаклей, можно сказать, перевернули жизнь музыкальных тифлисцев. Спектакли шли с аншлагами. Разговоры в тифлисских домах только и были об опере, об артистах, певцах, музыке. Походы в театр для каждой просвещенной семьи Тифлиса стали, можно сказать, обязательными.

В 1858 году Тифлис посетил Александр Дюма и, увидев театр, восхитился. В книге «Кавказ» он посвятил ему целую главу. «За всю жизнь я видел почти все театры, но ни один из них по красоте не может сравниться с тифлисским театром...». Особенно ему понравился зрительный

в то время, когда Дюма только-только познакомился с театром. И он, и зрители, и журналисты в один голос утверждали, что изящество театра в том, что он построен из дерева. Но именно это – дерево и много картона – его и погубило.

11 октября 1874 года за час до начала представления «Нормы» Беллини в театре вспыхнул пожар. Сгорело все – практически все имущество театра: занавес, декорации, реквизит, костюмы, инструменты, богатейшая нотная библиотека и архив.

Идея построить здание для оперного театра в Тифлисе появилась почти сразу после пожара в караван-сараях. В 1876 году был объявлен конкурс на проект нового здания. Для театра отвели место на Головинском проспекте, в верхней части Александровского сада, там, где сейчас находится Национальная картинная галерея. В конкурсе принял участие и одержал победу известный петербургский архитектор – академик, главный редактор журнала «Зодчий» Виктор Шретер. У него уже было много осуществленных интересных и успешных проектов. Несмотря на то, что любимым стилем архитектора был немецкий ренессанс, он с удовольствием взялся за так называемый восточный проект, ведь согласно программному условию надо было создать театр «в арабском или персидском вкусе». Шретер прибегнул к стилизации мотивов восточной архитектуры – здание было построено в псевдомавританском стиле.

Однако до начала строительства конкурсная комиссия решила, что выбранное место не подходит победившему проекту. Новое место нашли там, где и сейчас красуется наш оперный театр, а это потребовало некоторых изменений в проекте. В 1880 году проект Шретера был единогласно одобрен комиссией и утвержден наместником императора великим князем Михаилом Романовым. В июле этого же года началось строительство, но из-за недостаточного финансирования оно останавливалось, шло с перебоями и длилось 16 лет. В разные годы им руководили тифлисские архитекторы Пауль Штерн, Альберт Зальцман, Алек-

Католикос-Патриарх всея Грузии Илия II и министр культуры Грузии Михаил Гиоргадзе на открытии оперного театра

Гагарина, художника, исследователя искусства, архитектора, обер-гофмейстера двора Его Императорского Величества, вице-президента Императорской Академии художеств и вместе со всеми этими званиями находчивого и рискованного человека. Когда для украшения Тифлисского театра понадобились лепные орнаменты в мавританском сти-

зал: «Это дворец волшебниц, – писал Дюма. – Один из самых прелестных залов, какие я видел за всю мою жизнь». Заметим, что великого француза Дюма-отца восхитил не только театр, но и вся Грузия: после путешествия он вернулся во Францию и сошел с корабля в порту Марселя в грузинской одежде.

Однако вернемся в Тифлис,

Танец из оперы «Абесалом и Этери»

сандр Шимкевич.

Казенный театр, так тогда назывался оперный, вознесся на углу Головинского проспекта и переулка Банка. Переулок был спроектирован землемером Товарницким (история сохранила его фамилию). А по окончании строительства был переименован в Театральный (сейчас улица Васо Абашидзе).

3 ноября 1896 года первый сезон нового театра открылся оперой Михаила Глинки «Жизнь за царя» («Иван Сусанин»).

Театр, можно сказать, сразу приобрел большую популярность среди известных артистов, занятых театралов и любителей оперы. Репертуар театра составляли в основном оперы Дж. Россини, В. Беллини, Г. Доницетти, Дж. Верди, Ф. Обера, Дж. Мейербергера, Ф. Галеви, В. А. Моцарта. В Тифлис приезжали послушать заезжих звезд из Санкт-Петербурга, Москвы, Вены. Петр Чайковский, частый гость Тифлиса, особенно любивший этот город, говорил: «Здесь мои оперы любят и ставят чаще, чем где-либо».

С 1880 на сцене театра выступала русская оперная труппа. В эти годы были поставлены: «Евгений Онегин», «Мазепа», «Чародейка», «Орлеанская дева», «Майская ночь», а также оперы М. И. Глинки, А. С. Даргомыжского, А. Г. Рубинштейна, М. М. Ипполитова-Иванова. В русской оперной труппе в этот период пели первые грузинские певцы: Ф. И. Коридзе и М. А. Баланчивадзе, позднее (конец

19 – начало 20 вв.) – основоположники грузинской вокально-исполнительской школы: И. П. Сараджишвили, А. И. Инашвили, О. А. Бахуташвили-Шульгина.

XX ВЕК: ДРУГОЕ ВРЕМЯ

Шли годы. Менялись слушатели и зрители, вкусы и имена. Эпоха, лицо и славу которой составляли одухотворенные, яркие и талантливые люди, подходила к концу, к закату. Другое время началось после революции в России. Грузия пережила краткий период политической свободы.

Вот драматичный эпизод того периода, о котором часто любят вспоминать не только театралы. Связан он с оперой З. Палиашвили «Абесалом и Этери». Дирижировать премьерой оперы должен был известный дирижер

Самуил Столерман. У него была супруга с невыносимо тяжелым характером. Старожилы Тифлиса вспоминали, что как-то, во время спектакля, она спустилась по лестнице амфитеатра, подошла к дирижировавшему мужу и отвесила ему две звонкие пощечины – справа и слева. Зал ахнул. Столерман положил палочку и вышел. За пультом встал концертмейстер оркестра. Когда акт закончился, публика выгнала эту женщину из зала. Так вот, она во время очередной семейной ссоры разорвала единственную грузинскую партитуру оперы «Абесалом и Этери». Столерман в состоянии аффекта застрелил жену и пошел под суд. Присяжные заседатели приняли в качестве смягчающего обстоятельства знаменитый на весь город сложный характер супруги и освободили дирижера. За пультом во время премьеры встал сам Палиашвили, которому пришлось заново переписать партитуру.

Блестящее оперное произведение приобрело статус визитной карточки театра.

В феврале 1921 года начался отсчет нового политического режима – советской власти.

В 1936 году в Москве прошла Декада грузинского искусства и огромный успех выпал на долю Тбилисского театра оперы и балета. В 1937 году театру было присвоено имя Захария Палиашвили.

В истории грузинского искусства того периода много имен

Сцена из оперы «Абесалом и Этери»

истинно талантливых людей, которые беззаветно любили искусство и служили ему. Евгений Микеладзе был одним из них. Но режим безжалостно расправлялся с теми, кто говорил или думал по-другому. Такие люди исчезали, часть навсегда, часть из них – сломленные и больные возвращались спустя годы из лагерей. В тбилисских домах до сих пор еще, наверно, хранятся альбомы с фотографиями, на которых лица затушеваны.

Но Тбилиси был особенным городом. Город многое пережил, но выстоял. Продолжал работать, созидать, строить, петь, танцевать.

А театр за десятки лет обветшал. В 1954 году удалось поменять облик зрительного зала: по проекту архитектора Д. Лежава в орнаменте лож, ярусов, портала сцены и потолка появились грузинские национальные мотивы. Были сменены кресла. В 1960-м художник Серго Кобуладзе расписал парадный занавес. Это был дивный занавес, которым все восхищались. Он создавал настроение праздника всем, кто попадал в зрительный зал театра.

Здание обретает популярность и славу не только именами его архитекторов, проектировщиков и строителей. Жизнь театра – это прежде всего имена артистов, мастеров вокального и хореографического искусства. На сцене Тбилисского театра оперы и балета выступали многие известные мировые исполнители. Но опера и балет Грузии подарили мировой сцене и своих блестящих певцов и танцовщиков.

В 1973 году театр постигла трагедия: пожар. Второй беспощадный пожар за всю историю театра. Пламя уничтожило ценнейшие документы, уникальные экспонаты, личные вещи грузинских и зарубежных артистов. Выгорели все внутренние помещения. Погиб и занавес Серго Кобуладзе.

Необходимо было восстановить театр, полностью сохранив внешний вид здания как исторического памятника. Был объявлен конкурс. Среди 9 представленных работ победу одержал проект молодых архитекторов

Интерьер обновленного оперного театра

Лери Медзмариашвили и Муртаза Чачанидзе.

Они были однокурсниками, подружился еще на первом курсе архитектурного факультета Грузинского политехнического института, вместе работали над своим первым и успешным проектом: это был кинозал на 200 мест в цокольном помещении Дома правительства. Проект восстановления и реконструкции театра достался им нелегко. Сначала они победили на конкурсе в институте, потом и на республиканском. Статус победителей означал прежде всего высокую ответственность. Но была еще и радость совместного труда.

Два талантливых архитектора, они были единомышленниками: прочность, польза и красота были для них путеводными понятиями в избранном деле. С годами к этим трем важным и признанным началам добавились целесообразность, функциональность. И еще их объединяла способность соединять рациональное и эмоциональное. Два друга серьезно изучили театральную специфику, технологические процессы в театре. Они работали с невероятной отдачей, им хотелось во что бы то ни стало вернуть театру былую прелесть и наделить его современными параметрами. Дело в том, что здание, построенное по проекту В. Шретера, техниче-

ски устарело. Авторы проекта по восстановлению и реконструкции театра модернизировали внутреннюю планировку, сценическую часть, увеличили зрительный зал, восстановили фойе. Главное: было полностью восстановлено стилистическое единство всего здания. И еще один важнейший аспект – архитекторы уделили очень серьезное внимание противопожарным мерам.

У них все получилось наилучшим образом. Потому что это было творчеством, требующим не только художественных усилий, но и технических знаний. Муртаза Чачанидзе вспоминал, как они искали специалистов – высокопрофессиональных мастеров работы по дереву, мрамору, альфрейщиков. Искали, находили и были благодарны за трудолюбие и понимание.

Театр возродился в 1978 году. Пожалуй, можно назвать этот период вторым дыханием, которое обрел коллектив театра после реконструкции и ремонта здания. Тбилисцы дарили театру экспонаты, которые сохранились в частных коллекциях, семейных архивах после разрушительного пожара. Десятки тысяч интересных экспонатов, которые по полному праву сегодня можно назвать реликвиями, нашли свое место в музее театра.

Праздничный фейерверк

ДОРОГА ПЕРЕМЕН

Наступили 90-е годы. Театр был неотъемлемой частью тяжелой и трудной участи, переживаемой всей страной. Холод, отсутствие света, денег, угнетающий быт. Грузия вошла в полосу политических страстей, мучительного поиска своего пути, своей собственной независимой судьбы.

Здание театра так же, как и люди нуждалось в заботе и внимании. Благодаря фонду «Карту» и экс-премьеру Грузии Бидзине Иванишвили в 2010 году появилась возможность возродить театр. Право дать ему новую жизнь получили те, чей опыт и знания более всего соответствовали решению сложной задачи – Лери Медзмариашвили и Муртаз Чачанидзе. Нельзя не привести слова Лери Медзмариашвили, когда объемный реставрационный труд был практически завершен: «... оперный театр восстанавливал не я один – рядом был мой друг и коллега, архитектор Муртаз Чачанидзе, о котором сегодня не вспоминают. Мы с первого курса института вместе, совместно работали над проектами театра им. Грибоедова, музыкального центра им. Дж.Кахидзе, Цхинвальского драматического театра. Очень жаль, не дождал Муртаз до этого дня, не смог полюбоваться обновленным театром. Когда называют мое имя, пусть вспомнят и его».

В театре изменилось многое. Еще раз это старейшее здание пережило процесс перемен. Точнее сказать, усовершенствования, сохранив при этом свой неповторимый внешний облик, свою традиционную статью. Был укреплен фундамент, полностью заменено перекрытие: оно изготовлено из листовой меди, является лучшим в мире и долгие годы будет служить надежной защитой. Весь интерьер – росписи стен, витражи, орнаменты, – восстановлен в первоначальном виде, по имеющимся в архиве рисункам, и обновлен. Орнаменты потолка, балконов, лож, ярусов украшены позолотой, на это ушло 650 гр. червонного золота.

Сцена расширилась на 4 метра и это, безусловно, радует балетную труппу, а ее технические

возможности, благодаря уникальной звуковой аппаратуре, проекторам, аксессуарам, чрезвычайно возросли. Углубленную и увеличенную оркестровую яму можно сейчас поднимать до уровня сцены. Теперь в ней помещаются 120 человек. Они смогут играть самые сложные произведения, требующие большого исполнительского состава. Рампы, подъемные механизмы, поворотный круг, благодаря им режиссеры смогут создавать здесь грандиозные спецэффекты. И как не сказать о том, что у артистов сейчас есть благоустроенные гримерные и репетиционные комнаты.

В театре появились открытые веранды и выставочное пространство, зал для отдыха во время антрактов. Расширен сквер у театра, где находятся могилы композитора Захария Палиашвили, теноров Вано Сараджишвили, Зураба Анджапаридзе и дирижера Одиссея Димитриади. И два последних штриха, которые дополняют поистине величественный образ театрального старца, который здорово помолодел и полон жизненной энергии. У театра, как известно, визитная карточка – опера «Абесалом и Этери». Но есть еще две – 100-ламповая хрустальная люстра весом 2600 кг., изготовленная из австрийского хрусталя по дизайну Нодара Эргемлидзе. И уникальный занавес работы художника Серго Кобуладзе. Оригинальный занавес сгорел во время пожара в 1973 году. Сегодня зрители любят точную копию занавеса, восстановленного в Германии по старым эскизам и фотографиям по инициативе выдающегося грузинского композитора Гии Канчели.

В день открытия обновленного театра и представления бессмертного творения З.Палиашвили проспект Руставели словно перекинул мостик в прошлое. Старый Тифлис ожил у стен театра: гостей приветствовали музыканты в костюмах XIX века. Можно было напрячь воображение, и цоканье фазтонов довершило бы прекрасную картину.

Спектакли «Абесалома и Этери» сменились премьерой «Горды» Давида Торадзе, представленной балетной труппой. Балет был поставлен в 1949 году легендарным хореографом Вахтангом Чабукиани. Главную партию в той постановке исполнял он сам. В 1996-ом «Горду» вернул на грузинскую сцену балетмейстер и хореограф Зураб Кикалеишвили.

В наши дни инициатива возрождения «Горды» принадлежит грузинской прима-балерине Нино Ананиашвили, которая является автором либретто и новой хореографической версии балета.

Большие перемены, произошедшие в Тбилиском театре оперы и балета имени З.Палиашвили, подарили и коллективу, и зрителям возможность испытать и прочувствовать магию гармонии, которая всегда обитала и будет обитать в стенах этого театра. У театра сейчас начало новой жизни. Пусть она будет яркой, творчески плодотворной и успешной!

ЛЕТЕТЬ ВОСЛЕД ЛУЧУ

Сцены из спектакля «Мне Тифлис горбатый снится...»

■ Ирина КВЕЗЕРЕЛИ-КОПАДЗЕ

Как приятно, что зимнему подмерзшему Тбилиси нужна поэзия Осипа Мандельштама!

Большой зал Грибоедовского театра заполнен зрителями всех возрастов. Литературно-драматическое представление посвящено 125-летию со дня рождения поэта. Грибоедовцы с большим успехом практикуют юбилейные мини-спектакли-тосты. Каждый раз получается изящно, эмоционально и не скучно. Очищающая душу слеза в финале неминуема у каждого зрителя. Так все случилось и на этот раз.

Мне трудно поверить, что все зрители, пришедшие на спектакль, хорошо знают и любят поэзию Мандельштама, ну, а драматических представлений в нашей жизни хватает и без театров. Однако зал полон. И это факт, не требующий анализа.

Я хорошо помню, как в холодном, темном и голубом 1991 году второклассницы тбилисской 6-ой школы, совсем не знавшие русского языка, перебывая друг друга, читали: «Невыразимая печаль открыла два огромных глаза, цветочная проснулась ваза и выплеснула свой хрусталь...»

– Ничего, что не понимают слов, – успокаивала наше удивление учительница, – главное, чтобы музыке языка услышали.

Сегодня все эти выросшие девочки прекрасно владеют русским языком. Учительница была права: главное – это музыка языка. За ней сегодня мы и пришли в театр.

Действительность по Мандельштаму носит сплошной характер. И в этой сплошной тбилисской действительности русского языка почти нет. Он стал исчезать еще двадцать пять лет назад. Как-то выдохся, захлебнулся страхом, потерял звук. Теперь, если ухо в маршрутке или в автобусе выхватывает русскую речь, то она, как правило, очень простая. Русский стал языком туристов исключительно в туристических зонах.

Для Тбилиси, исторически привыкшего к разноязычному многоголосию, исчезновение русского языка неестественно. Когда тоска по музыке исчезающего языка накапливается, в длинном, скуч-

ном заборе на проспекте Руставели отодвигается металлический фрагмент и открывается туннель, ведущий в театр, где все желающие могут напиться звучанием хорошей русской речи. Всего на пару часов происходит погружение в русскую языковую капсулу, чтобы потом с удовольствием жить дальше.

Вот и на этот раз Осип Мандельштам удивил нас редкой музыкальностью стихов, в которых «слышишь, как шьются черепные швы и как изнашиваются аорты».

Спектакль о Мандельштаме в Грузии ставить легко и приятно. Историческая совесть кристально чиста. Все, что смогли, сделали для поэта – спасали из застенков, чествовали, угощали, предоставляли для выступлений лучшую публику в лучших залах. Отогрели любовью его честную и ранимую душу, а он в ответ, погрузившись в музыку грузинского языка, создал прекрасные переводы и сам написал стихи, может быть, лучшие.

На поклоне

Мне показалось, что режиссер и актеры подали тему очень деликатно. Только грузинский период жизни и трагические моменты ареста и гибели. Никакого копания в личной жизни поэта, никаких скандальных фактов и эпизодов из жизни, коих было немало.

Актер Олег Мчедlishvili, несмотря на очевидный соблазн, не гонится ни за портретным сходством, ни за эмоциональной составляющей. Он просто поэт, ушедший в вечность, из заздранного тоста. Актер Арчил Бараташвили позволяет себе играть более гротесково, ведь он как рамка окантовывает образ поэта. Поэтому убедительно демонстрирует зрителю, что нет ничего более изощренно садистского, чем любящий поэзию чекист – «Грамотеет в шинелях с наганами племя пушкинovedов».

В спектакле много полутонов, оттенков серого, сложившихся в благородный фон для прозвучавших стихов.

Изящна актриса Ирина Мегвинетухцеси, которая предстает то Надей, женой Мандельштама, с душераздирающим прощальным письмом, то гостеприимной Ниной Табидзе, женой Тициана, а то красивой незнакомкой из Батуми, объединяя в себе образы всех прекрасных женщин, ярких и талантливых, окружавших поэта всю жизнь.

Не знаю, ставил ли режиссер-постановщик спектакля Левон Узунян перед собой такую задачу, но он задал зрителям много вопросов и отправил их перечитывать Мандельштама.

Вот и я достала с полки томик, который не открывала десяток лет. Как-то он будет читаться сегодня? С юности помню: «На бледно-голубой эмали, какая мыслима в апреле, березы ветви поднимали и незаметно вечерели», убеждена, что Тифлис действительно горбатый, и нравственным ориентирам подчиняюсь – всегда ценить человека старого, а барашка молодого.

На этот раз я решила читать так, как сам поэт рекомендовал смотреть картины французских импрессионистов: «Ни в коем случае не входить, как в часовню. Не млеть, не стынуть... Прогулочным шагом, как по бульвару, – насквозь! Спокойно, не торопясь, погружайте ухо (глаз) в новую материальную среду. Когда равновесие достигнуто – начинайте второй этап, отмывание стиха (картины), наращивающий ценность образа».

Метод оказался универсальным. Отвыкшее ухо научилось слушать оркестр мандельштамовского стиха: «Я вернулся в мой город, знакомый до слез, до прожилок, до детских припухлых желез»;

«За гремучую доблесть грядущих веков, за высокое племя людей я лишился и чаши на пире отцов, и веселья, и чести своей»;

«О, как же я хочу, нечуждый никем, лететь во след лучу, где нет меня совсем»...

«Клейкой клятвой липнут почки, вот звезда скапала: это мать сказала дочке, чтоб не торопилась».

Да, в юности этих строк не понять! До них нужно дожить!

Я даже простила издевательство над импрессионистами: «Художник нам изобразил глубокий обморок сирени». Но вернемся к спектаклю.

Это правда, что трагичной жизнь поэта стала только после выплескивания на публику в 1933 году издевательского стихотворения о Сталине: «Мы живем под собою не чуя страны... Его толстые пальцы как черви жирны... Тараканы смеются глазища...», а до этого он был счастливчиком и баловнем судьбы. Неприятность на Батумской таможне лишь случайный эпизод.

Почему такое стихотворение родилось в 1933 году? Почему так рано? Репрессии еще не начались, Сталин подавлен смертью жены, друзья-поэты еще живы. Что это было – предсказание, предвиденье? Может быть, вещий сон? Откуда такая обличительная уверенность 37-38 годов? Какого черта он вообще совершил эту попытку самоубийства?

Мандельштам пришел в этот мир с миссией создать новую музыку русского языка! У него был дар Божий, прекрасное разностороннее образование, блестящее окружение, поддержка друзей и даже власти, в лице Бухарина. Ему была послана необыкновенная преданная женщина, посвятившая жизнь его поэзии. В ответ не получившая ни детей, ни дома, ни верности. Время было не скучное – революционное!

Почему не заниматься только своим делом – русским языком?! Зачем лезть в политику? Какая безответственность перед своей миссией. А может быть, чтобы войти в вечность, надо самому искать свою смерть?

В спектакле озвучен текст телефонного разговора Сталина с Пастернаком, в котором Пастернак ушел от ответа на вопрос: «Мастер ли Мандельштам?» После чего Сталин якобы бросил трубку. В контексте спектакля это прозвучало как предательство и трусость.

Разговоры Сталина, конечно же, не прослушались и не записывались! Откуда тогда известно дословное содержание разговора, если не со слов самого Пастернака?

Я не театровед и даже не театрал. Но одноактное представление заставило меня на несколько дней погрузиться в поэзию Осипа Мандельштама и с искренним волнением пережить его судьбу.

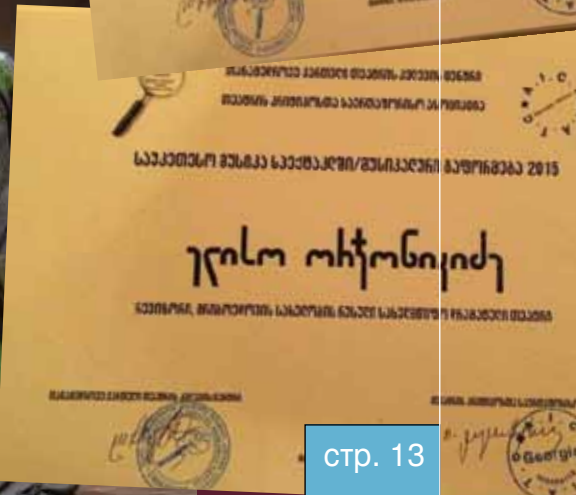
ТРИУМФ ГРИБОЕДОВСКОГО ТЕАТРА

■ Соб. инф.

Самый успешный театр Грузии в 2015 году – Тбилисский государственный академический русский драматический театр имени А.С. Грибоедова. Таково решение Национальной ассоциации театральных критиков и Национального центра исследований современного театра.

Лучший спектакль года – «Ревизор» Н.В. Гоголя в постановке художественного руководителя грибоедовцев, лауреата Государственной премии Грузии и премии имени Котэ Марджанишвили Автандила Варсимашвили, который признан лучшим режиссером года. За этот же спектакль лучшим актером назван Аполлон Кублашвили, лучшим признано и музыкальное оформление «Ревизора» Элисо Орджоникидзе.

И еще. Грибоедовский театр – самый посещаемый и самый гастролирующий, а его 170-летие признано самым значимым театральным событием года.

Гела Чарквиани

«ИСПИВШИЙ ТЕРЕКА И ГЛОТНУВШИЙ ВОД АТЛАНТИКИ»

■ **Медея АМИРХАНОВА**

Он не любит говорить о текущей ситуации в политике, хотя долгое время был частью ее (с 1992 года – главный советник президента Шеварднадзе в вопросах международных отношений, с марта 2005 – пресс-спикер президента Грузии Михаила Саакашвили). Но увлеченно рассказывает об истории политики, моделях государства, о знаковых 60-х, перевернувших мир. Дело тут, конечно, не только в его интереснейшей биографии, где

переплетаются имена Сталина, английской королевы Елизаветы II, президентов Джорджа Буша старшего и младшего, и многих других. Есть в Геле Чарквиани (пора открыть имя моего героя) харизма стойка. Человека, который идет по выбранному им пути с гордо поднятой головой. Несмотря ни на какие удары судьбы. Тот же мальчишеский огонь в глазах, страстный интерес к жизни. Самое личное он доверяет своей музыке и книгам. Современен,

близок и понятен молодежи, еще и как отец «Мепе» (Ираклия Чарквиани).

– Батоно Гела, из ваших уст молодежь готова слушать даже про советскую действительность, с которой незнакома и относится с отторжением.

– Я и сам не испытываю ностальгии по прошлым временам. Но историю нужно знать, чтобы понимать, каким путем идти, чтобы выбрать правильные ориентиры. Я отсекаю гораздо больший отрезок истории, чем эти молодые люди. Прочувствовал лично, как что-то зарождается и развивается. Это совсем не то же, что об этом прочитать. В детстве и мне казалось, что начало XX века – это невероятно далеко. Так и для молодых имена Брежнева или Хрущева нечто неизвестное, покрытое архивной пылью... Если ты говоришь с аудиторией, то нужно иметь какие-то преимущества. Мое преимущество – возраст. Так что встречи раз в месяц полезны, многое могу рассказать.

Моя жизнь охватила многие периоды, начиная с позднего сталинского. Отец Кандид Чарквиани 14 лет занимал пост первого секретаря ЦК Грузии (1938-1952). Когда мне исполнилось 13, мы уехали из Тбилиси – отца освободили с работы. Формулировки имели значение и были в те времена исключительно важны, потому что отличались своими последствиями. Скажем, если «снимали» с должности, то заканчивалось все печально: исключали из партии, сажали в тюрьму, и, возможно, расстреливали. «Освобождение» с работы имело более благоприятный исход, хотя, случалось, и после него сажали.

Мой отец гордился тремя достижениями. Первое – город Рустави. Разговор о металлургическом заводе поднимался не раз. Но Сталин считал, что его нужно строить в Тбилиси, с ним соглашался Берия. Это позволяло избежать лишних трат, сэкономить на стро-

В кругу семьи

ительстве новых домов. Отец сопротивлялся, понимая, что столицу ждет экологическая катастрофа. Сложная дипломатия с Кремлем все-таки имела результат: отец протащил свое предложение – построили новый город с металлургическим комбинатом.

Достижение второе – Тбилисский метрополитен. Тбилиси не мог еще называться большим городом – население не достигало миллиона. Тем не менее его расположение – длинный город, основанный в ущелье, требовало метро. В 1951 году Сталин приехал в Ликани. Попросил отца познакомиться его с членами бюро ЦК. Отец выполнил просьбу – собрал их во дворце. Сталин спросил: «Какие будут вопросы?». Отец воспользовался моментом и сказал про метро, привел аргументы, почему оно необходимо. Генсек задумался, на него было устремлено множество взглядов. Потом вышел в другую комнату – поразмыслить в одиночестве. Его известная манера. Когда вернулся, кивнул – «хорошо». Обещание генсек выполнил, но отец подозревал, что в глубине души Сталин не простил ему давления,

счел некорректной форму подачи мысли (без предварительного согласования). Этот эпизод подпортил их отношения. Но зато Тбилиси получил метро!

4 ноября 1951 года у столицы появилось Тбилисское море. Три горько-соленых озера, совершенно белых, непригодных для плавания и ирригации, затопили водами Иори. Я помню тот момент всеобщего ликования, с какой радостью народ вбежал в воду. И я, мальчишка, чувствовал себя на седьмом небе. Но отец был без настроения, задумчив. За два или три дня до события ему позвонил Сталин и закончил разговор предупреждением: «Худо будет, товарищ Чарквиани», – и бросил трубку.

Тогда открыли т.н. «мингрельское дело». Из-за карьеристских устремлений некоторых местных партийных руководителей попали в опалу многие представители региона Самегрело. Людей арестовывали без всяких оснований. Отца обвинили в невнимательности к происходящему вокруг и освободили с работы.

Отец многое успел сделать: при нем основали Академию наук Грузии, открыли парк Ваке. В Советском Союзе власть пер-

вого лица республики практически не знала ограничений, он оставался подотчетным лишь Москве. Каждое воскресенье мы ходили смотреть, как растет парк. Много позже я водил туда своих детей. Очень люблю это место, так же, как и все наследие отца – тбилисскую подземку, Рустави...

– Ваша книга «Интервью с отцом» не только состоялась, но и превратилась в бестселлер. Но она долго ждала своего часа, верно? Фактически материал был собран с расчетом, что его напечатают в лучшие, демократические времена.

– Большое счастье, что сегодня мы живем без ограничений. Я совершенно свободно могу издавать книги, газету свою выпустить. То ли дело прежде. Когда работал в Обществе дружбы с зарубежными странами, мы даже приглашительные не могли напечатать без визы главлита. Мне дурно, когда люди ностальгируют по Союзу. Ведь с вами не диссидент говорит, а сын первого секретаря ЦК. Мне можно верить.

Так вот, когда отец перешагнул 80-летний рубеж, я сообразил, что нужно сберечь его уникальный опыт. По сути, никто из грузин не общался так интенсивно и в течение столь длительного времени со Сталиным. По крайней мере, тех большевиков, которые контактировали со Сталиным до отца, убрали в 30-е годы. Берия расстреляли в 1953 году, он ничего не успел сказать. Один год должность секретаря ЦК при Сталине занимал Мгеладзе. Он тоже издал книгу.

Я хорошо подготовился к интервью, составил большой список вопросов. Отец лежал в больнице, наша беседа длилась пять или шесть часов, сделал аудио и видеозапись.

Несколько лет назад ко мне обратились из издательства «Интеллект» – нет ли каких-нибудь интересных материалов? Так родилась книга «Интервью с отцом». Недавно вышло в

Ираклий и Нана Чарквиани

свет третье издание. «Интервью с отцом» также напечатали в Италии, на итальянском. У иностранной версии другое название – «Грузинское измерение Сталина».

– Это было приятное ощущение для вас, мальчишки, что папа может все? Как вы ощущали себя в этой среде?

– Я себя помню с двух лет. Конечно, мы жили привилегированной жизнью, не знали нужды. Это испытание, когда тебя холят и лелеют, выполняют все капризы. Но мама воспитывала нас, как обычных детей, внушая, что материальные блага преходящи, что жизнь лестница – сегодня ты наверху, завтра – внизу, и нужно надеяться только на свои знания и умения. Одно обстоятельство меня нервировало. Любому ребенку хочется свободы. За мной же постоянно ходила охрана. Когда за тобой глаз да глаз, начинаешь чего-то бессознательно бояться. Чувствуешь себя объектом охоты, что ли.

– Школу вы окончили в Москве. В книге «Нагерала» есть забавные истории из того периода.

– Так как я перевелся из грузинской школы (к слову, учился вместе с Гамсахурдиа и Костава), мне нужно было подтянуть русский язык. Первый же диктант выявил мои знания. Я даже не сомневался, что написал его вполне прилично. Называют двоечников – меня среди них нет, троечников – опять нет, хорошистов – не слышу своей фамилии. Я внутренне ликую, вот вам и грузин. Среди отличников меня тоже не оказалось. Меня и Белоусова объявили отдельно, как эксклюзивных еди-

С женой Наной и сыном Ираклием

ничников: у меня 13 ошибок, у него 14. Мама пригласила ко мне учительницу Алевтину Петровну, и за три месяца я исправился.

Московская школа №56 отличалась строгими порядками. В комсомол меня не приняли, дав нелюбимую характеристику: «играет джаз, рисует голых баб». Я действительно увлекался джазом и рисованием. Сделал копию «Спящей Венеры» Джорджоне, нагой и прекрасной. Позже, уже в ГПИ я вступил в комсомол.

Я привык, что в Москве мою фамилию произносили как Чирквиани (из-за безударной гласной). Одноклассники и друзья звали коротко – Чиркой. Совсем недавно не стало Саши Верескова, моего друга детства. Сколько всего мы вместе сочиняли. Однажды написали стих для стенгазеты. Учитель математики Николай Филиппович пришел от него в ужас, мы употребили слово «декадентский». Чревато, знаете ли. Вот так все усложняли в Союзе. Мы же от души развлекались. «День лучезарный над миром восстал,/ Свет разливается резкий,/ Радуйтесь дети, вам космос прислал,/ Синий привет декадентский!».

Если бы мы имели несчастье продолжать жить при советском строе, я бы не смог издать ни одной своей книги. Я

пять лет жил в России, столько же в Англии, учился в Америке. То есть, у меня есть опыт проживания в разной среде. Я испивший Терека, глотнувший вод Атлантики. И я уверяю, у нас сейчас трудный строй, но его нужно принимать, как горькое лекарство.

– Стерпится – слюбится?

– Капитализм невозможно любить и обожать. Еще Черчилль сказал, что либеральная демократия – это довольно плохо, но все же лучше, чем все остальное. Считаю, что Грузия должна идти европейским путем. Мы очень продвинулись в сравнении с постсоветскими государствами. У нас наибольший политический опыт. Не считая прибалтов, конечно. Они – члены Евросоюза. В Грузии много трудностей, коллизий, но обычно это помогает подниматься. Если брать макроэкономические показатели, мы не входим в число передовых государств. Нужно еще серьезно расти экономически. Это придет нескоро, необходимо много трудов и усилий. Но другого выхода у нас нет. Мы уже сформировались как демократическое государство, народ привык к свободе.

– Вы называете себя умеренным либералом. Когда произошло становление взглядов?

– В американский период.

Я проходил стажировку в Мичиганском университете в 60-е годы. Высшая точка молодежной революции в США, студенческие выступления. Все, о чем мы говорим сейчас – о гендерных вопросах, расовой несправедливости, проблемах и правах сексуальных меньшинств, перевернули 60-е. До этого мир был другим.

Мы много дискутировали на разные темы. Серьезнейшую проблему для Америки тогда представляла расовая дискриминация. Но уже началось сопротивление – многотысячные марши протеста Мартина Лютера Кинга. Бетти Фридан, одна из основательниц нового женского движения, представила американскому обществу свое исследование, согласно которому женщине для полного счастья требовались не только семья и дети, но и самоутверждение посредством работы, своего дела, участия в общественной жизни. И ведь это справедливо, женщине так же необходима работа, как и мужчине. Иначе, что же она, человек другого сорта?

Рассматривался неомарксизм. Популярный тогда философ и социолог Герберт Маркузе хотел соединить фрейдизм с марксизмом. Ему принадлежит книга «Эрос и цивилизация». Мы рассуждали о том, что в следующем веке президентом США, вероятно, станет афроамериканец, женщина или еврей. И, как видим, прогнозы оправдываются. Америка – страна, которая учится на своих ошибках, страна, склонная к саморазвитию.

Я осознал, что лишь либеральная демократия дает индивиду возможность полностью реализовать себя.

– Вас нельзя назвать карьерным дипломатом. Между тем, вы преуспели на этом поприще.

– Отец желал, чтобы я выучился на архитектора. Поэтому я поступил в ГПИ, на архитектурный факультет. Но большого таланта к этому ремеслу в себе не чувствовал. Зато мне легко давались языки, с детства свободно владел английским. Спустя какое-то время я перевелся в Институт иностранных

языков. В качестве дипломата попробовал себя, когда работал в Обществе дружбы с зарубежными странами. Так как у союзных республик не могло быть никаких политических связей с заграницей, допускалась лишь культурная дипломатия.

Я не люблю «дипломатическую дипломатию». Мне ближе честность, открытость. И в письмах, и в общении избегал стандартности, клише. Позволял себе отклоняться от правил, доверяясь интуиции. Шеварднадзе тоже не относился к карьерным дипломатам.

С улыбкой вспоминаю одну историю в Лондоне. Она о том, что всегда нужно относиться к себе с долей юмора. Сажусь в такси. На шее у меня шарф с узором грузинского флага. Какой-то болельщик подарил. Таксист внимательно смотрит на меня, изучает. Они такие, лондонские таксисты – церемонные, важные, с чувством собственного достоинства. Там на таксиста учатся два года. Он меня спрашивает, что за флаг? Отвечаю. – «Вы кто?» – «Дипломат», – отвечаю. «Вы не похожи на дипломата». Пауза, я в изумлении: «Как же так?». – «Вы похожи на посла», – неторопливо поясняет он. Я себя почувствовал школьником.

– Любимым людям хочется открывать мир. И в город своей души – знаю, что вы очень любите Лондон – вы взяли жену Нану и внучку.

– Лондон полон спокой-

ствия, у него своя история. Это же вершина мирового развития. Мне радостно, что я взял Нану с собой, она всегда мечтала там пожить. Сейчас ее нет со мной, и я очень переживаю. В книге «Нагерала» несколько серьезных эпизодов о Нане. Правда, они соседствуют с комичными историями. Но в этом нет большого противоречия. Я – не любитель строгого стиля, хронологии. В жизни трагедия и комедия соседствуют. Нане с трудом давалась ходьба. Я брал ее под руку и водил по длинным коридорам Букингемского дворца. Примерно четыре или пять раз в год послы встречались с королевой Елизаветой II, там так заведено. Вот снимок, где я вручаю королеве верительные грамоты.

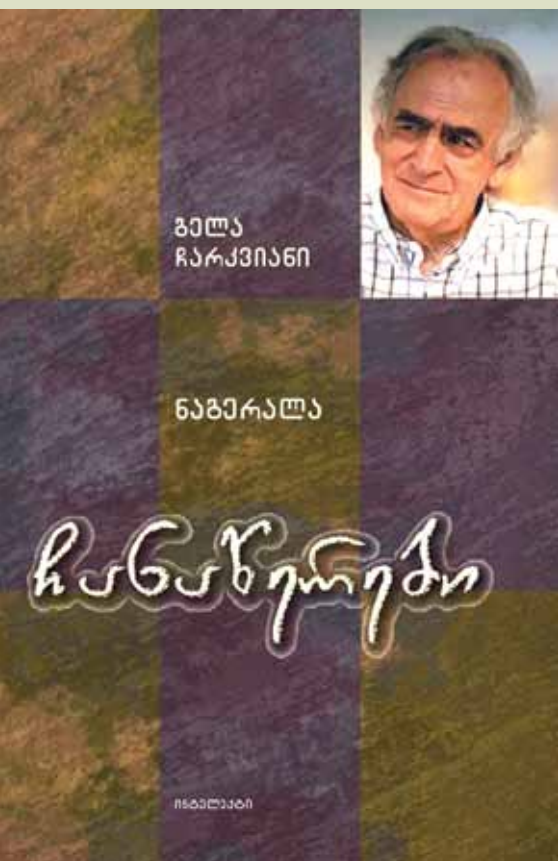
Мы с Наной прожили 52 года. Золотую свадьбу отмечали и в Англии, и в Грузии. И половины века, кажется, очень мало. Она – внучка Мосе Тоидзе. У Тоидзе в роду все художники и красивые женщины. Конечно, она меня очаровала. Шла навстречу по улице с моей знакомой. Я взялся их проводить.

У меня есть о Нане фильм, он выложен на YouTube. В одной из комнат только ее портреты. Мне нравится, что она там всегда. Кто бы ни рисовал Нану, мой портрет правдивее, потому что я знал ее лучше других.

Младшую Нану – внучку, я повез в Лондон, когда ей ис-

На открытии книжного фестиваля

опыт, все, из чего ты соткан. От сказок Андерсена, прочитанных в детстве, во мне что-то нордическое, от скандинавских мифов – что-то из царства Одина с его валькириями, Вальхаллой. Грузинские, русские, восточные сказки, путешествия и впечатления. Это же все хранится в нас. Человек полон стилистически разных вещей. Зачем ограничивать себя одним стилем. Я предпочитаю спонтанную экспрессию – выражение эмоций, того, что есть в тебе в данный момент.

Моя музыкальная драма «Наргиза» больше похожа на мюзикл. В ней элементы рока, джаза, лирические песни. Я написал ее, между прочим, на спор, за месяц. Мне случилось присутствовать на премьере оперы Лагидзе «Лела», которую композитор посвятил своей дочери. После премьеры увидел в фойе Лелу вместе с ее подругой Наргизой Гардапхадзе. Лела довольная, светится от счастья, Наргиза же мне показалась скучной (для справки – она дочь тогдашнего шефа телевидения). Говорю Наргизе: «Ты грустишь оттого, что твой отец не смог тебе оперу написать? Так это не беда, мы с Отаром Церетели можем». Она рассмеялась.

Пьеса «Наргиза» и музыка к ней моего авторства, а слова к песням мы писали вдвоем с Отаром Церетели. Презентация «Наргизы» в концертном исполнении состоялась у меня дома в 1974 году. Гостей – видимо-невидимо. Наргизу я научил ее арии. Все остальное она слушала впервые (там больше 20 музыкальных номеров). И пьесу, и диск издал только сейчас. В советское время, при той цензуре, это не представлялось возможным. В пьесе много варваризмов, есть ненормированная лексика.

– В предисловии к записной книжке «Нагерала» вы признаетесь, что не ожидали, что ее когда-нибудь опубликуют. Ведь там высказывания, размышления, заметки на полях, истории, которые не вошли в книгу мемуаров. Видимо, с этим как-то связано и название «Нагерала»?

– Нагерала – это пшеничные

зерна, которые проросли сами собой уже после уборки урожая. Так и мои миниатюры, они пронумерованы, но никак не связаны последовательностью. Все перемешано. Это реакция на события, происходящие вокруг меня: в общественной, политической, личной жизни, а также философские мысли, юмор. Честная книжка получилась, по характеру – постмодерн. Истории на грузинском, русском, английском языках. В записной книжке я изобразил и Шеви, и Мишутку – обоих президентов, с которыми работал. Кстати, Ассоциация издателей и распространителей Грузии назвала книгу «Нагерала» бестселлером 2015 года. Мемуары я уже заканчиваю, и в конце марта, если все успеется, выйдет в свет большая автобиографическая книга (600 страниц) «Хоровод знакомых химер».

– В декабре в Большом концертном зале филармонии прошел вечер, посвященный Ираклию Чарквиани «Останется истории». По замыслу авторов, образ Ираклия Чарквиани воссоздали с помощью голограммы. «Мепе» исполнил «Я приду к тебе». Это очень сильный эмоциональный посыл...

– В какой-то момент ком подступил к горлу... Я сыграл на концерте третью фортепианную сюиту из «Ираклианы». Она больше других отражает его характер – бунтарский, революционный. Он был истинно народным певцом и композитором, верийским ашугом, и, в то же время очень современным, ориентированным далеко в будущее. Выражал творчеством протест против консервативного большинства, которое не принимало новые идеи новых людей. Ираклий – один из первых, кто создавал грузиноязычный рок. Он верил, что настанет время, когда Грузии начнут подражать. И он – единственный грузинский царь в XXI веке.

Трогательно, когда ко мне подходят молодые люди и просят автограф с пояснением «მეფის მამა» («Отец царя»). Я просто отец Ираклия Чарквиани.

полнилось пять лет. Начальное образование она получила в английской школе. Блестящий английский – это у нас семейное. Она потрясающе владеет разными английскими акцентами. Мы изучаем вместе мировую историю. Все, что вы видите на столе, это ее конспекты, тетради, книги. Правда, она вошла в революционный возраст – 12 лет – и несколько изменилась. Мысли другие в голове. Ты предлагаешь что-то хорошее, и в ответ слышишь «нет», значит, ты уже неприемлем. Это и есть революция.

– Перефразируя лондонского таксиста, вы – не дипломат. Точнее, дипломат, склонный к искусству. С удовольствием послушала ваши диски – «Капризы биографии» и «Ираклиана».

– Я больше люблю писать музыку, чем исполнять. И в музыке я тоже – противник строгого стиля. Жизнь каждую минуту диктует изменения, оттого и стилистически у меня полная эклектика. Может присутствовать джазовый момент, старинный танец. В «Капризах биографии» это особенно заметно. Музыка должна отражать твоё настроение, твой

«Маковый цвет»

ФОТОПОЭЗИИ

Лидия Григорьева

■ Владимир САРИШВИЛИ

«Конгресс русских театров зарубежья» открылся поэтическим вечером Лидии Григорьевой. Творчество ее многогранно, жизнь ее многострадальна, пути ее судьбы неисповедимее неисповедимых...

Открывая встречу с сердечным другом Грузии, поэтом, эссеистом и фотохудожником, ныне проживающей в Лондоне и Москве Лидией Григорьевой, руководитель международного отдела Общенационального Союза писателей, он же, автор этих строк, от имени правления и членов главной писательской организации Грузии приветствовал героиню вечера и обратился к собравшимся со словами: «Обратите внимание на цвета гардероба Лидии Николаевны. Вы сразу поймете, что наша дорогая гостья – поклонница импрессионистов, в частности, Клода Моне. Именно фотопроjekt Лидии Григорьевой «Мания Моне» обрел большой резонанс в России. Так же, как и текстовые фотонаборы «Тюльпановый рай», «Камелия

в сиянье дня» и «Магия мака». Цветомания – цветочная и цветочная...

А ее энергия, темпераментная манера общения как бы просится в пространство Венецианского карнавала. И что удивительно – несколько лет назад состоялась презентация альбома Лидии Николаевны «Венецианские миражи». Какой задор проскальзывает в четверостишии: «Мужчина в театральной ложе//Сидит – он мне не сват, не брат, //На много лет меня моложе, //Но для меня он староват!»

Чем вам не «облики и лики» карнавалы реалити?!»

Так Лидия Григорьева была представлена тбилисской общественности. А далее бразды правления взял еще один представитель Союза писателей Грузии – ведущий вечера, поэт и журналист Владимир Головин, выступивший с кратким очерком жизни и деятельности Лидии Григорьевой:

«Дорогие друзья! Международный культурно-просвети-

тельский Союз «Русский клуб» проводит в эти дни крупномасштабное и знаменательное мероприятие – «Конгресс русских театров зарубежья», по сути, Всемирный театральный конгресс.

Сейчас мои коллеги по «Русскому клубу» встречают гостей в аэропорту, размещают их в гостиницах, в общем, царит приятная организационная суэта. А нам, присутствующим здесь, довелось уже стать участниками первого мероприятия этого Всемирного конгресса. То, что мы собрались в Доме писателей, любезно предоставившем свой главный зал, далеко не случайно. Ведь Лидия Николаевна Григорьева в первую очередь известна как поэт со своим ярким и запоминающимся видением мира, мастер психологической лирики, эссеист и сценарист. А вот в театральном мире, в мире визуального искусства она заявила о себе как успешный деятель – заведующая литературной частью недавно обра-

С Равилем Бухараевым и сыном. Казань

зованного лондонского театра «Russian Space Theatre», фотохудожник и первооткрыватель нового синтетического жанра в искусстве – фотопэзии, сочетающей поэзию, философию и видеометафору. Фотоработы Лидии Григорьевой находятся в частных собраниях Лондона, Москвы, Венеции, Брюсселя.

Лидия Николаевна была участницей двух Международных русско-грузинских поэтических фестивалей, которые традиционно проводятся «Русским клубом» несколько лет. Она приезжала на первый из фестивалей со своим ныне покойным супругом – одним из лучших в современной русской литературе поэтом, прозаиком, драматургом и переводчиком Равилем Бухараевым. Равиль Раисович был выходцем из российской университетско-интеллигентной семьи и ревнителем татарской культуры. О многом говорит одна из главных наград Равиля Бухараева – «Орден Единения» ООН – за деяния на благо человечества. («DEED FOR GOOD OF NATION»)

Лидия Григорьевна – автор и

ведущая многих литературных радиопрограмм на Российском радио и радио Би-Би-Си, а также телевизионных программ и фильмов «Цветаева в Лондоне», «Гумилев в Лондоне», «Скрябин в Лондоне», «Сны Веры Павловны», «Станица Лондонская» и многих других. Также она автор литературно-философских, социально-ориентированных эссе, автор рубрик «Наш человек в Европе» («Литературная газета», Москва), «Со своей колокольни» («Лондонский курьер», Лондон), «Русский акцент» («Лондон-Инфо»). Издана книга ее избранных эссе: «Англия – страна Советов или Европейское общежитие».

В разные годы на ее поэтические публикации и книги были (всегда неравнодушные) отклики в литературных журналах и газетах. Ее роман в стихах «Круг общения», напечатанный в журнале «Литературная учеба» (№6, 1986) и вскоре вышедший отдельной книгой в издательстве «Советский писатель» (М., 1988), вызвал острые и предметные дискуссии в печати.

Творческий послужной список Лидии Григорьевой поистине необъятен, и только лишь основные вехи биографии займут немалую площадь. Но как обойтись без них, ведь тогда портрет Лидии Григорьевой, летом отметившей юбилей, был бы неполным...

Итак, наша гостья – член российского Союза писателей, (1984), Всемирной Академии Искусства и Культуры (Калифорния-Тайвань, 1994), Европейского Общества культуры (Венеция, 1995), Международного Пен-клуба (Нью-Йорк, Лондон, 1999). Стихи Лидии Григорьевой переведены на английский, японский, французский, чешский, словацкий, китайский, арабский, грузинский и другие языки.

Родилась будущая поэтесса в Украине, раннее детство провела на Крайнем Севере, среднюю школу окончила в Луганске, а высшее филологическое образование получила в Казанском университете. Долгие годы жила в Москве, занималась литературным трудом

«на вольных хлебах». В восьмидесятих годах была автором и ведущей литературных программ «Поэтические встречи» и «Мастерская поэта» на Всесоюзном радио.

Первая книга стихов издана в 1978 г. На сегодняшний день Лидия Григорьевна является автором 15 поэтических сборников и пяти книг: эссе и в «смешанной», как говорят художники, технике: фотоальбомы, стихи и философские этюды под одной обложкой.

Только в этом 2015-ом году вышли две новые книги Лидии Григорьевой: «Поэзия сновидений» и «Стихи для чтения в метро», презентованные в Доме Русского Зарубежья в Москве, на ее юбилейном творческом вечере.

Критики не раз отмечали, что Лидия Григорьевна пишет на первый взгляд очень простые, но бесконечно мудрые стихи. «Муза Григорьевой прописана в золотом сечении поэзии и обитает там же, где муза Блока, Ахматовой и Тарковского», – замечает известный литературовед Фаддей Осинников.

Многое можно сказать еще о творческом феномене Лидии Григорьевой, но лучше послушать самого поэта и воочию оценить ее фотопэзию», – так завершил ведущий свое достаточно полное представление.

И принявшая эстафету Лидия Николаевна начала свой монолог:

– В Лондоне я оказалась потому, что последовала за моим любимым мужем, у которого там были и творческие, и духовные планы, и интересная престижная работа на Би-Би-Си. Английский он знал в совершенстве. А я с детства была франкоязычна и внезапно в Англии превратилась из известного в своей стране писателя в слепоглухонемую, никому неизвестную женщину! Когда я говорила своим знакомым, что поступила как декабристка, бросившая налаженную жизнь, все на смех меня поднимали – те, мол, в Сибирь за мужьями ринулись, а ты в Лондон – губа не дура. Там ты НИКТО – это главный шок. Вспоминаю теперь, как много раз я уединялась на любимой каменной

скамейке, сложенной монахами-францисканцами еще в XI (!) веке – вот он, знаменитый и очень позитивный британский консерватизм. Негатив заключался в том, что на этой исторической каменной скамье, поросшей бархатным зеленым мхом, я долго и горько плакала, отводя душу. Небеса молчали почти три года, я не могла ничего писать. Но я нужна была моему мужу и ждала, когда же ангелы небесные заговорят со мной не на английском, а на родном языке! Язык на бытовом уровне я усвоила довольно быстро. Но это был язык общения, а не творчества. И только через три года моего полного смирения и молчания пошли потоком стихи, рассказы, романы в стихах, эссе, исследовательские статьи, сценарные разработки. Именно в Англии написаны мои главные книги, созданы фотопозитивские проекты. И Англия стала и осталась теперь для меня замечательной творческой лабораторией. Так и живу уже много лет на две страны и на два дома – в Москве и Лондоне. В Москве похоронен мой единственный сын, он был офицером российской армии. А в Казани, согласно его завещанию, нашел упокоение мой муж, скончавшийся в Лондоне у меня на руках от сердечного приступа. В России и Англии выходят мои книги и книги моего мужа Рауля Бухараева, над наследием которого я продолжаю трудиться после его ухода.

Затем рассказ плавно меняет направление – и вот уже мы вслушиваемся в представление нового и самого, наверное, необычного поэтического сборника Лидии Григорьевой «Поэзия сновидений».

– Здесь собраны стихи, которые были явлены мне во сне. Это плоды реальных, невыдуманных сновидений. Поэтому книгу можно назвать в немалой степени научной. Она представляет интерес для ученых-психологов и психотерапевтов. И это подтверждается предисловием известного психоаналитика Виктора Мазина и послесловием Елены Емельиной, практикующего консультанта-психолога международ-

Фототворчество Лидии Григорьевой

ного класса.

В публицистической миниатюре «Опыт нейропоэзии Лидии Григорьевой» авторитетный основатель Музея сновидений в Санкт-Петербурге замечает, что «о приближении поэзии сновидений свидетельствовали призраки Блейка, Кольриджа и Лермонтова. Просто не могло так быть, чтобы никто не писал сегодня стихотворений по мотивам сна... Мысль Лидии Григорьевой подчеркивает творческий характер сновидения, его метафорическую работу. Сновидение – автор поэзии, явленной во сне».

И вновь слово – Лидии Григорьевой:

– Философия сна. Филология сна. Психология сна... Толкова-

ние подлинника жизни. Но никогда не вымысел, не выдумка. Черновик инобытия. Сны – видения. Сон – в унисон. Часть творческого процесса. Неиссякаемый источник творческих идей, мыслей и, конечно же, чувств.

Гвоздем программы творческой встречи стал эксклюзивный показ художественно-документальной ленты Лидии Григорьевой в жанре фотопозэзии – «Иерусалим сада моего». Бережно охраняя авторские права и опасаясь, не без оснований, пиратскими скачиваний, автор не разместила его в Интернете, поэтому о фильме мы можем только рассказать.

– Этот фильм – моя новая видеопозема. Он снят по тексту

моего философского эссе с тем же названием и построен на библейских ассоциациях, которые воплощены с помощью видеометафоры. Сад – прообраз потерянного человечеством рая и вечный город «небесный Иерусалим» живут в душе почти каждого из нас. Это только нужно увидеть и почувствовать. И тогда ты узришь у себя в земном саду отражение Сада небесного, и цветы твои взмахнут крыльями и перевоплотятся в ангелов и пророков. Растения – это иные сущности, но они – так же, как и люди, рождаются, стареют, умирают. И моя задача успеть запечатлеть на фото их короткую жизнь, осмыслить ее философски и поэтически, и воплотить это все в искусстве. В данном случае в синтетиче-

ском жанре фотопоззии. Но в основе визуализации этих идей все же лежит литературный текст.

Суть этого проекта в следовании художественным идеям великого французского импрессиониста Клода Моне, который из 86 лет жизни 43 года живописал свой сад в Живерни (Лидия Григорьева тоже снимает только свой сад, только несрезанные цветы и только при естественном освещении, как работали французские импрессионисты «на натуре»).

Следующий фотопроjekt «Опасная красота» представляет фотодрамы и фототрагедии из жизни опиумного мака, растущего в ее лондонском саду. Мак представлен во всей своей опасной и притягательной для любителей острых ощущений красоте. Это как бы жизнь отдельного индивидуума из опиумной семьи – от зачатия до гибели и надежды на возрождение гибнущей души. Большую роль в этом играют названия фото-картин: композиции «Четыре Ангела» и «Танцующий дервиш». Отдельные фотопанно: «Болеро», «Изгнание пророка», «Шапка Мономаха – опиум власти» (созревающая головка опиумного мака на кроваво-красном фоне) и т.д.

Вот какие отзывы прессы на стихи и фотовыставки Лидии Григорьевой можно прочитать: «Стихотворения Лидии Григорьевой надо раздавать у станций метро вместо навязчивых реклам, вместо продающихся в аптеках поддельных лекарств, а также читать перед заседаниями Госдумы депутатам, чтобы вправить им мозги»; «Цветотерапия и эстетика любования, заложенные в основу фотопроекта «Мания Моне» – это попытка выработать стиль жизни внутри красоты, внутри садовой ограды, отделяющей нас от мира, замурованного безобразными событиями и явлениями»; «Вы увидите прекрасный лондонский сад, воспитанный руками русской поэтессы».

– Действительно, мой девиз в фотоискусстве – гетевское «Остановись мгновение, ты прекрасно!». А метод – «стра-

тегия Клода Моне», последних 43-х лет его долгой жизни. Моне десятилетия писал только свой любимый сад. И я теперь стала понимать почему. Самое простое объяснение: облик любого цветка (а у него любимыми моделями были кувшинки!) утром один, днем иной, а вечером – совершенно отличный от дневного и утреннего. Как и Руанский собор – в дождливую и солнечную погоду. В моей видеоленте – гигантские гималайские маки, изгибающиеся в причудливые фигуры и образы – то печальные, то светлые...

Иногда меня упрекают: вы, мол, говорите, что живете как в монастыре, за высокой садовой оградой, а сами путешествуете по всему миру. Да, я живу довольно замкнуто в своем лондонском доме с садом 200 дней в году. В период цветения я снимаю свои цветы по многу часов в день и делаю порой по 300 или 400 кадров от рассвета до заката. Пишу свои книги, создаю фотофильмы. А остальное время путешествую, не только чтобы набраться впечатлений, но и, например, чтобы принять участие в фестивалях, конгрессах и литературных конференциях. Выступаю там с докладами и стихами.

С бездомностью и бесприютностью юных лет давно уже покончено. Я знаю и помню, что такое расколовшаяся льдина – детство провела на Крайнем Севере у Ледовитого океана, и отец мой, полярный летчик, сажал самолет на такую льдину. Много стихов мною написано по ассоциациям с этими детскими воспоминаниями. Отец героически погиб. А мама моя много лет работала потом на Чукотке, чтобы дать мне возможность окончить университет. И сейчас, живя со мной в Лондоне, в свои 88 лет, она иногда говорит: «Не забывай, что ты – дочь вдовы, и училась на медные деньги». Я многим ей обязана и бесконечно благодарна.

Мне очень нравится звучание моих стихов на других языках. И то, как причудливо они порой выглядят! Например, когда мне прислали мои стихи на китайском, я поместила эти красивые иероглифы в рамку и

повесила над письменным столом! А когда они прозвучали на грузинском, в переводе Мзии Хетагури, появилось желание записать их звучание и усладить слух по вечерам в своем лондонском доме!

Приглашая к выступлению Мзию Хетагури, Лидия Григорьева не преминула вспомнить, что знакома с грузинской поэтессой с 1980 года.

А затем прозвучал импровизированный поэтический диалог двух поэтесс – Хетагури читала Григорьеву на грузинском, а Григорьева Хетагури – на русском. Подключилась и дочь Хетагури – Ирина Гочашвили, готовящая книгу переводов Лидии Николаевны на грузинский язык.

И в заключение нашего дружеского общения с Лидией Николаевной в дни Конгресса мы побеседовали эксклюзивно для «РК» в вестибюле Малого зала Грибоедовского. Побеседовали о том, о чем не успели в прошедшие дни.

– Во-первых, мое желание и долг – оценить значение завершающегося «Конгресса русских театров зарубежья». Скажу, что этот театральный форум выполняет важнейшую творческую и связующую функцию, помогая приобрести двойной опыт. Ведь здесь собираются, с одной стороны, руководители пусть и мощных государственных театров, но со своими проблемами; а с другой стороны, руководители зарождающейся театральной отрасли – русского театра дальнего зарубежья, у которых проблемы иного рода. И я считаю, что уникальный опыт этого фестиваля – в обмене мнениями, заключении каких-то соглашений и договоренностей между двумя совершенно различными театральными структурами.

А теперь – о ситуации в Англии и конкретно – в Лондоне, где только по официальным источникам осело около 500 000 граждан бывшего СССР из разных республик, все они владеют русским языком, а многие и позиционируют себя как русские. Почему же они не могут пойти в русский театр? Могут – и в столице Англии время от времени появляются театраль-

На Венецианском фестивале

ные деятели, создаются труппы из русских актеров, тоже по разным причинам оказавшихся на чужбине.

В театральных зарубежных проектах замечены и такие узнаваемые фигуры, как Дина Корзун, соратница Чулпан Хаматовой по благотворительному фонду «Подари жизнь».

Вот и мы с Дмитрием Турчиновым, молодым режиссером из Литвы, обосновавшимся в Лондоне, обдумываем концепцию русского театра на берегах Темзы.

– Это будет передвижной театр?

– Смешной вопрос. Сразу видно, что вы не имеете представления о зарубежном театре. Там ведь даже у самых известных театральных коллективов чаще всего нет своего постоянного помещения. Театр – это не стены. Это режиссер, актеры, а часто и приглашенная мегакинозвезда, что способствует успеху спектакля, как коммерческому, так иногда и творческому. Большую роль играет и выбор пьесы. Без литературной составляющей театра тоже нет. Спектакли – даже самые успешные – там подолгу не живут. Частая сменяемость репертуара одна из особенностей западного, в частности, английского театра.

Почему я согласилась принять участие в качестве завлит-

частью в новом лондонском русском театре «Russian Space Theatre» и в отборе пьес для грядущих постановок? Потому что уже в 17 лет мечтала стать актрисой, всерьез изучала систему Станиславского, и теперь, может быть, с опозданием, но пришел и мой час включиться в театральную жизнь, учитывая многолетний писательский опыт. Еще некоторую роль в этом сыграло то, что мой роман в стихах, или даже стихотворная драма «Русская жена английского джентльмена» был уже однажды представлен в Лондоне, как театрализованное действие. Это произошло в 2014 году в рамках литературного фестиваля «Слово» в модной лондонской галерее «Эрарта». Там были четкие элементы театрального представления – некие условные декорации, поставленный свет, живая музыка сопровождения. И главное – профессиональные актеры. Монологи главной героини озвучивала уже упомянутая Дина Корзун, на подхвате была молодая актриса, а текст от автора читала я. И это был ценный опыт переложения драматической поэмы в сценическое пространство. Билеты стоили недешево, и доходы от спектакля пошли в фонд помощи больным детям.

О ЧЕМ ГОВОРЯТ В ТБИЛИСИ (И НЕ ТОЛЬКО)

Грузия.DOC

■ Алла Максимова

Режиссер документального кино и театра, бывший журналист «Эхо Москвы» Алла Максимова приехала в Грузию летом 2015-го года и с тех пор снимает и записывает здесь разговоры с людьми. Она не называет эти встречи «случайными», так же как и своих героев, хотя со многими видится в первый и последний раз. Некоторые из разговоров стали частью документального спектакля А.Максимовой «А еще мы строим гараж» (преьера состоялась в Красноярском ТЮЗе в сентябре 2015 г.). Большинство публикуется впервые. Документальные записи разговоров (с сохранением особенностей речи говорящих) чередуются с записями режиссерского дневника автора.

(Тбилиси)

Меня давно тянул как магнит один дом. В нем ни одного целого окна, кроме вон того, на фото. Дом давно расселен, весь разобран, разодран. Нет электричества, нет, конечно, воды. Он страшно зияет по ночам, я ходила там ночью, он вообще страшный. Рядом свалка и шиномонтаж. Окраина окраины Тбилиси. Не знаю, почему его не снесли, но вот он стоит, короче. Однажды увидела внутри свет. Не электрический, а то ли свечной, то ли какой еще. Женщина в одном из окон выбивала пыль из ковра. В другом окне – все без стекол – играли дети. В общем, там жизнь. Висит белье, даже стоит машина. Но дома нет. Нет адреса, дома нет на карте. Я боялась туда идти, но пошла. Ну и что? Ходят гуси. Мужик на крыльце курит. А на стене, перевыцветшей-выцветшей, видите? «Наша

цель – коммунизм!». И замазано сверху тремя слоями. Цель «наша» – чья? Кто были «они»? Где сейчас? У цели? И какие цели у тех, кто зимует сейчас в этом доме-недоме без воды и света, такие же? Вот бы посадить вместе «тех» и этих, дать друг с другом поговорить. Хожу, смотрю в голове воображаемый док.спектакль. В доме без адреса люди пережидают у костров зиму 2015-2016.

ТАРИЭЛ

диспетчерская железной дороги, ночь

– Я без зубов. Без зубов, говорю! Где зубы? Собачка их жует, играетя (*смеется*). Шутка. Я целый день их таскал-таскал и, это самое... сюда пришел и не стал надевать. Да здравствует свобода, свобода Юрию Деточкину!

В метро я работаю, а здесь отдыхаю. В метро эскалаторы, движение, мы иногда останавливаем их, выходим, включаем, в общем, там все не так, как здесь. Там иной раз приходится всю ночь вкалывать, если что-то испортилось, в 12 [ночи] закрываемся и до 6 утра. Как нет? И днем есть смены, я сегодня оттуда только. 12 часов

работаем: я сегодня там днем был, а сегодня здесь ночью. А завтра я в ночь туда заступаю. Ты не поймешь так, я тебе сейчас нарисую (*рисует*). Понедельник: метро с 8 до 20. Понедельник: железная дорога, с 20:00 до 8 утра. Вторник: отдых до 20 часов. Потом метро с 20 до 8. Среда – отдых. Четверг, с 8 до 20 – железная дорога. Пятница, с 8 до 20 метро. Пятница: железная дорога с 20 до 8 утра субботы. Суббота, с 20 до 8 утра воскресенья метро.

Вот и все, вот мой график. Д – это день, Н – ночь, а бублики – это отдыхи. Выходит, у меня в недельку один выходной всего – чтобы отдыхать сутки. И любовью некогда заниматься. Записала?

У тебя фигурка какая хорошая, честное слово! Комплимент тебе. Ну что, включить, наверное, печку уже, не холодно? Нет? Тогда налью тебе винца. А какой аромат, понюхай.

После смерти сына, после 2008-го то есть, у нас с женой больше ничего не было. Она отказывалась, и после уже... я не стараюсь. Как-то была у меня женщина, сейчас уже говорю начистоту, мужик без женщины ведь тоже неправильно. Ну и до 2008-го я участковым работал, у меня было столько возможностей! Была у меня... встречался я с женщиной, она была разведенная. Потом уехала из Грузии, на заработки. В данный момент сейчас у меня пока – пока! – никого нет. Вот сейчас уже второй месяц как уехала. А так встречались, нормально. Это ты тоже записываешь, что ли? Компроматы? Козел, сигнальщик надо (проезжающему поезду).

Я бы не сказал, что это была «женская ласка», но в общем

была женщина. Лет на 10 младше моего возраста. Н ее звали. Не грузинка, нет, армянка. А познакомились мы, когда я был участковым. У нее была проблема с сыном, сын подрался, и дело у меня находилось. Приходит вся в слезах, помоги, говорит. Я говорю: в первую очередь надо не ко мне обращаться, а к пострадавшим, кого он там обидел. Надо пойти, я говорю, к ним и пускай пишут заявление или пускай придут ко мне, что претензий не имеют. Ну я ей объяснил, помог, в общем. А так его за хулиганство... лет, наверное, на 6 потянуло бы. После этого он еще попал, уже сильно попал. Загремел в тюрьму. Тут уже я ничего не смог сделать, в другом районе был. У него там было с наркотой связано, а где наркота, я никогда не совался и никогда не брал дело. За убийства и за наркоту я не подписывался никогда. За остальные дела можно было, а тут – извини, дорогая, помочь ничем не могу.

Ну вот так, сблизилась.

Какая любовь, ну какая любовь? Это случайность. Ну, нравились друг другу. Симпатичная была женщина.

Участковым я работал... сейчас скажу, в какие годы... Потом нас сократили, попал на железную дорогу и в метро. А до этого работал в тюрьме, «опять по пятницам пойдут свидания...». Есть такая песня. «Таганка»! Я проработал в тюрьме 10 лет, в N-ской тюрьме. Все передачи, все свидания проходили через мои руки, все этапы, все карцеры. Лично я считаю, что любой сотрудник должен быть в первую очередь психологом, а потом сотрудником. Что осужденные – не люди? Осужденные сейчас встречаются мне и приветствуют, рады. Здравуются. Нравилось ли работать там? Вообще-то не очень. Контингент там был такой, одни воры и бандиты. Угрожали, было. У нас было психиатрическое отделение, где были настоящие

сумасшедшие. Туда заходить было опасно вообще-то. Но надо было заходить.

А перед тем, как попасть сюда, я работал... рефрижераторные цеха, поезда-холодильники, возили куриные окорочка в Среднюю Азию, Ашхабад. Там хорошо платили, лучше, чем здесь, за сутки 40 долларов плюс оставалась зарплата 500 лари. Мы сопровождали эти вагоны, утром командировочные выписывали и мы ехали, из вагонов не выходили, только на таможенных надо было ударить печать. Но из-за того что там была жара большая, я оттуда ушел, ушел сюда. Невыносимая жара была, на улице 40 градусов, в вагоне все 60, даже градусники от жары лопались. Устроился сюда из-за долгов.

Ну мы же заплатили за сына 7 тысяч 500 евро, заняли такую сумму, чтобы выслали тело из Европы, он же нелегально там был. Похоронное бюро прислало нам официальный банковский счет, на этот счет мы зачислили деньги, и только потом нам его выслали.

Давай что-нибудь о другом. Давай лучше о тебе поговорим, только без камеры.

(Кахетия)

Это Роберт. Он вроде юридивого, мне сказали уже потом. А я увидела его в окне заброшенной церкви на кладбище. Он не вышел, я даже не уверена была, что мне не пока-

залось. А когда возвращалась с могилы Пелагеи (1910-2014) – нарвала там веток шиповника, он приоткрыл дверь и на мое «гамарджоба» вышел из двери уже весь: «Грузинка?» Церковь стоит в горах, там давно нет служб, но люди из окрестностей оставляют иконы и свечи. Людей мало. Роберт их не любит, прячется, когда похороны или праздники. Он здесь каждый день, сидит, молится или смотрит в окно, я не знаю. Ему 22. У меня итальянское имя, говорит. Отдаю ему шиповник, ему идет к его синему. Иногда думаю, зачем это все, все что происходит в последние месяцы, а потом встречаешь Роберта, ну и вот, потому. Не знаю, как яснее сказать. Он ясный, как день. День сегодня был замечательный.

ТАСО

общезитие для беженцев

– Не сейчас. Чтобы рассказывать, маленькое настроение нужно.

– *(Стук в дверь, голос.)*
Мама тут?

– Тут, тут, Сандро, у меня под одеялом, смотри.

(Сандро смеется, уходит.)

– Я много раз была в одних и тех же местах. Давид Гареджи, например, минимум 40 раз. В Казбеги 30, 40 раз. В Турции 10 раз, минимум. Я ездила как гид с 2004 года. Последние два года не езжу, но хочу еще, я очень люблю это. Если ты любишь историю своей страны, это нетяжелая работа, вообще.

Свечи [делать] да, тяжелее. Для свечей нужна сила, нужно настроение. Это не обычное дело, не все могут им заниматься. Ты знаешь, вот у

компьютера есть гигабайты, память. Компьютер хранит информацию. У рук тоже есть память. Я когда делаю свечи, думаю: ну как так, как это выходит само собой? Две, три, сто штук – и все почти одинаковые, и не только по форме, но и по массе. До миллиграмма с точностью. А все из-за памяти рук. Я не знала об этом, но сейчас думаю так.

Меня никто этому не учил, я сама. В Кахети, где я выросла, одна женщина подарила мне воск. Я давно хотела научиться делать свечи, все старые грузины у нас знают, как это. И вот у меня появился воск, и я сделала 3-4 свечи, не помню уже, совсем немного. И подарила эти свечи своему мамао, священнику, моей церкви. Мне тогда было лет 20 – то есть 15 лет назад. Мамао свечи похвалились. Он спросил, могу ли я сделать еще такие же. Он дал мне воск, я взялась и стала делать свечи. Мамао тогда меня похвалил, сказал, что работа эта очень физически трудная. И дал мне что-то около 150 лари, я не помню точно, но 15 лет назад это были очень хорошие деньги. Это был мой первый гонорар.

Потом я уехала в Тбилиси учиться в семинарии. Денег у меня не было. Были, но немного. Мамао сказал: ты будешь делать свечи и отправлять мне, а я тебе буду каждый месяц отправлять деньги. Я сняла комнату в Авлабари и стала там заниматься свечами после учебы. Мамао отправлял деньги. Хватало в первое время. Потом, когда уже перестало хватать, я занялась шитьем, стала вышивать крестиком, плела браслеты, делала ручную сумочки. Все это относил в Самеба, в маленький магазин при храме. И дополнительные 30, 40, 50 лари у меня поэтому всегда были.

Пять лет так. Учеба плюс свечи. Плюс – позже – экскурсии. Я работала гидом и делала свечи с сумочками. И все было хорошо.

Первые три года в семинарии мы каждое утро встречались с Патриархом. Каждое утро он приходил и читал вместе с нами, студентами, маленькую молитву, и потом с нами разговаривал. Всегда! Каждый день Патриарх давал нам что-то вроде темы, например: я – человек, что это – человек, кто это? И к следующему дню все студенты должны были приготовить такие маленькие сочинения, эссе на эту тему. Некоторые, по просьбе Патриарха, читали свои сочинения вслух. Я читала два или три раза. Три, четыре, пять человек читали, и все стояли и слушали (все происходило в коридоре, там мы ждали Патриарха).

Потом, когда институт уже кончился, я стала работать на маленький свечной завод. Денег стало больше, и через два года я смогла купить себе машину. В 2007 году я была с экскурсионной группой в Израиле. Компания, которая меня наняла как гида, заплатила мне 250 долларов, и я купила себе ноутбук. Это был мой первый международный гонорар. А за поездку в Каппадокию позже мне заплатили уже долларов 400 или 500. Это хорошие были деньги. Смогла поменять машину. А в прошлом году я купила маленький участок земли.

Сейчас я занимаюсь только свечами, и это все-таки очень тяжелая работа, очень. В прошлом году я работала на двух человек, и у меня вообще не было времени, совсем. Когда был Великий пост, работала сутками, и в последнюю неделю мне стало плохо настолько, что я еле могла сжимать и разжимать руки. Не было времени даже поесть. Но все в итоге кончилось хорошо.

Я не замужем, но я никогда не чувствовала, что одна. Когда училась в институте, каждый день проводила с однокурсниками. Суббота-воскресенье всегда работа – гидом. Ну, а потом со мной некоторое время жила сестра. Только последний 2015-й год я жила одиноко, если

так можно выразиться. Так что в Грузии можно жить без мужа, но... лучше с мужем (смеется). При условии, что это настоящий муж, хороший. Хорошая семья. А если нет, лучше быть одной. У меня уже выработался иммунитет, я без всякого мужа сильная. Хоть и осознаю, что это не очень хорошо. Думаю, сильных мужчин много, просто я такого пока не встретила. Может быть, еще встречу.

Что составляет мою самую большую сегодня проблему? Я не думаю об этом в таком ключе. Вот у меня есть земля, на этой земле я хочу построить маленький дом, но сейчас не могу, возникли препятствия при согласовании в мэрии. Мне пока отказано, а ведь дом – это мечта всей моей жизни. Конечно, на такой ответ мэрии я сначала отреагировала эмоционально, но сейчас уже другие чувства. Когда я натываюсь на такие барьеры жизни, я почти сразу осознаю, что все происходит так, как должно происходить и в итоге все, что происходит – к лучшему. Просто нужно, возможно, попробовать найти другой путь к цели. И идти этой другой дорогой. А если и так не получается, значит, это просто не мое дело, не для меня. Все происходит так, как должно происходить, всегда. Вот что я думаю.

(Тбилиси)

За те семь минут, что Рубен паял мне сережку из золота, узнала про двух его дочерей (одна живет в Орлеане, другая

в Виши, Франция), пятерых внуков, гастроли Шарля Азнавура в Тбилиси, что на выходных Тигран зарезал свинью, что свастике как символу 10 тысяч лет, посмотрела фото зарезанной свиньи в телефоне, фото с женой во французском бассейне на фотоаппарате-мыльнице, обещала порвать вторую сережку и вернуться снова.

«Какие у вас девушки красивые!» – «Ничего, зато у вас красивые глаза».

ТАМАЗ

такси, стоянка (там, где отступы между абзацами – там были особенно длинные паузы, хотя разговор весь был из пауз)

– Где ваша родина?
– Здесь, в Гори. Но вообще я в Цхинвали родился.

– Где?
– В Цхинвали – а вырос в Гори. А сейчас не могу уже в Цхинвали поехать, после войны. У меня там дом детства... я здесь вырос, но родился я там, в Цхинвали. Там очень красиво.

– Во время войны вы здесь были?

– На войне.
– Где?
– На войне. Я служил в армии. Вот там вот. В самом эпицентре.

– Как вас зовут?
– Тамаз.
– Вы такой добрый – у вас глаза добрые, честно говоря, я не знаю, как люди могут воевать с такими глазами.

– Я не хотел воевать. Но не было других вариантов.

– Срочная служба?
– Да. А там выбрать... Если не поеду – за измену потом посадили бы.

– А вы помните, как вам сказали?

– Не, не говорили, не говорил никто. Мы ехали сначала на миротворческие... а потом, когда приехали на эти действия или не помню что... сказали, что надо ехать около Цхинвали там... там осетины... мирное население обстреливают.

Даже не говорили, что это будет война, просто сказали, туда прибудете (неразборчиво), там все уже сделано, освобождение, – и сдадутся осетины, эти боевики и эти там... и все будет хорошо и... потом.

– Против кого вы, получаете, воевали?

– Вообще... Как выяснилось, против России воевали. Вообще-то осетины начали... боевики... даже на них формы не было, кроссовки там какие-то, спортивные штаны. А потом, когда Россия начала помогать, уже с россиянами приходилось воевать.

– Было такое – враг? Убивать?

– Такого приказа не было. Вообще-то мы в конце уже защищались... как выяснилось...

– Что самое страшное на войне?

– Самое страшное – когда видишь, когда мирные люди умирают или друзья.

– Вы видели?

– Да. И очень много.

– А сами убивали?

– Если честно, я не смотрел даже. Техника была... и не видел я.

(Гурия)

В ту ночь луна в горах висела такая огромная, можно было читать под ней книги. Дэда Тамари не любит фотографироваться, но она так красиво сидела, я выпрашиваю у нее один кадр, она разрешает. Ровно один («Алла! стоп!»). Потом просит спеть по-русски «Ты здесь» Дианы Гурцкой. Объясняет жестами (по-русски не говорит): ты мне Гурцкую – я тебе «Сулико». Идем петь друг другу на колокольню. Там высоко, никто не услышит. Как красиво поет Тамари. (...) Иногда забывала, что они матушки, называла девочками.

Имена некоторых героев изменены.

Фото автора

Улица Д.Кипиани, дом №98, в котором жил Василий Каменский

«Я трогаю старые стены...» Тифлис: удивительные встречи

■ Владимир ГОЛОВИН

Весной 1914 года в почти тающем традиционность Тифлисе жизнь (и не только культурная) сотрясается от появления трех российских эпатажных поэтов-футуристов. Правда, для одного из них футуризм был лишь веселой, увлекательной игрой – в отличие от многих собратьев по цеху, придававшим своим работам трагедийную тональность. Высшее образование агронома не помешало ему стать профессиональным актером, но сам великий Всеволод Мейерхольд его театральную карьеру... прервал. Заявив, что в театре нельзя убивать такого поэта. А главное, с его судьбой несколько раз связано определение «первый». Он был одним из первых авиаторов России и первым ввел в русский язык слово «самолет» – до него крылатые летательные аппараты называли аэропланами. Он на-

писал первую советскую пьесу и первым среди русских поэтов начала XX века назвал Грузию своей второй родиной. «Поэт – мудрец и авиатор,/ Художник, лектор и мужик,/ Я весь изысканный оратор,/ Я весь последний модный шик», – писал о себе Василий Каменский.

Сейчас в некоторых литературных исследованиях можно прочесть, что именно в 1914-м он впервые приехал в Тифлис – вместе с Владимиром Маяковским и Давидом Бурлюком. Но это не так – в первый раз он побывал в Грузии еще в 1910-м, благодаря удивительной встрече. За год до этого он приезжает в Петербург, чтобы продолжить занятие агрономией, работает в журнале «Весна», знакомится с футуристами, увлекается живописью. За его плечами – публикации в пермской газете, турне с театром по России, арест за

революционную пропаганду на Урале, поездка в Стамбул и Тегеран. А в Питере он встречает дочь пермского купца Августу Югову. Это – гимназическая любовь Василия, закончившаяся тем, что он «в лютые морозы несколько раз проводил Августу из гимназии домой, да всю свою общую тетрадь исписал ее именем».

Странно, но в очень немногих биографиях Каменского упоминается о том, какое место в его жизни заняла эта женщина. При второй их встрече у нее уже двое маленьких детей, она – вдова убитого в 1905 году революционером управляющего филиалом компании «Зингер» в Тифлисе. Старое чувство вспыхивает вновь, вскоре проходит венчание, и уже они оба распоряжаются немалым юговским наследством. Именно оно позволяет Василию увлечься авиа-

Василий Каменский

цией, изучать летное дело в Берлине, Париже, Лондоне, Вене, Варшаве. Он может даже позволить себе покупку моноплана «Блерио XI» и одним из первых в России освоить его. Но авиакатастрофа навсегда отлучает его от авиации...

Еще до этой «небесной эпопеи», в апреле 1910-го, Василий с семьей приезжает в Грузию, благо, средства это позволяют. Очевидно, у Августы сохранились настолько хорошие воспоминания о жизни в Тифлисе, что она привозит туда второго мужа, несмотря на трагедию, происшедшую в этом городе с первым супругом. О том, что было в Тифлисе, дадим слово самому Каменскому, который часто говорит о себе в третьем лице (ничего не поделаешь – футурист!): «Здесь Василий целые дни пропадал в духанах на персидском базаре и там накупил много редких старинных вещей, персидской и кавказской и индейской древностей. Кувшины, вышивки, кальяны, оружие, четки, платки, ковры заняли два сундука – вот эта покупка впоследствии положила основание музею на Каменке – где собраны с любовью всяческие редкости».

В мае Каменские поселяются «на лето в Зеленом Мысу на горном берегу Чорнаго моря – в семи верстах от Батума». В качестве дачи они снимают «особняк с полной обстановкой». Василий много занимается живописью, много играет с детьми. В грузинском Причерноморье хорошо всем: «Семейная жизнь с Августой вместе с весной расцвела нежно и цветисто. Зеленый Мыс приютит супругов тепло». После того, как в Петербурге имел успех первый сборник футуристов «Садок судей» с участием Каменского и его импрессионистские картины, поэт решает писать в Грузии прозу – лирическую повесть «Землянка».

Никто не расскажет об этом лучше него самого: «Условия создавались желанно. В горах, зелени, у моря, среди поющих птиц Он весь отдался

весеннему гимну земли и стал усиленно работать над Землянкой. – Начался беззаботный праздник зеленой Жизни... На долгие часы Василий уходил в горы писать свою первую книгу. Он писал увлекаясь на столько искренно, что, пожалуй, переживал больше, совершенно забываясь, что пишет книгу, и переживая горел творчески – рыцарски так горячо что не успевал записывать наплывающие мысли и образы – и нервничал. Однако потом овладел собой и работа пошла стройно, но со сдвигами. Отвлечений было много: поездки в Батум, в театр, на бульвар, гости, знакомства, купанья, возможности...» В июле он заболевает малярией (спасительных эвкалиптов в Аджарии тогда еще не было), но... «Все же, в часы облегченья Он работал и Землянка заканчивалась». Тем же летом Каменские уезжают из Батуми, а зародившаяся в Грузии «Землянка» издается уже в России.

Как видим, в тот, первый приезд в Грузию – сплошная семейная идиллия. Никакого эпатурирующего футуризма, никакого шокирующего поведения, никакой стихотворной зауми. Все это тифлисы сполна вкусили через четыре года. Тогда поэт уже развелся с Августой и вместо нее рядом с ним были подчеркнута дерзкие Маяковский с Бурлюком. Для них главное – не только громко высказать необычные постулаты, но и ошеломить обывателя. Вот и сообщает газета «Тифлисский листок»: «Во вторник (25 марта) на Головинском проспекте толпа зевак, состоящая, главным образом, из подростков, сопровождала трех субъектов в странном одеянии. Один господин был в желтой кофте, на голове другого красовался какой-то странный убор, у третьего была раскрашена физиономия. «Цирк приехал, – говорили в толпе. – Клоуны ходят по улице для рекламы». В толпе, конечно, еще не знали, что странно одетые люди – футуристы».

А это – из армянской газеты «Оризон»: «В четверг московские футуристы Бурлюк, Маяковский и Каменский с окрашенными лицами, в персидской пестрой одежде на фаэтоне разъезжали по улицам Тифлиса. С ними был армянский писатель Кара-Дарвиш. Вчера футуристов и Кара-Дарвиша на Головинской улице сфотографировал один из корреспондентов иллюстрированной газеты столицы». Псевдоним «Кара-Дарвиш» избрал себе тифлисский футурист Акоп Генджан. Впрочем, помимо него хватает и местной молодежи: поэты Сергей Спасский и другие жаждут советов московских знаменитостей.

В гостиницу «Палас-отель» на Головинском проспекте (сейчас – здание Университета тетра и кино на проспекте Руставели) к Каменскому приходит один из тифлиских любителей литературы. Незадолго до этого он прочитал «Журнал футуристов», а теперь увидел их афишу необычного оранжевого цвета: «Эта афиша, приводившая своим видом в волнение. Причудливая помесь различных шрифтов, оглушительные тезисы докладов...» Каменский предстает перед гостем в облике подлинного футуриста: «За столом сидел человек с кудрявыми светлыми волосами, пушисто стоявшими над высоким открытым лбом. Перед ним лежал лист бумаги. На листе виднелись крупно выписанные буквы. Около каждой мелко теснились слова. Слова начинались с буквы, поставленной впереди.

Василий Каменский-авиатор

Каменский решал задачу, не дававшую многим покоя. Подбирая слова на определенную букву, пытался уловить присущий букве постоянный смысл... Он подарил мне пеструю тетрадь, отпечатанную на обороте ярких обоев. «Танго с коровами – железобетонные поэмы».

И вот, 27 марта в переполненном зале Казенного театра (нынешний Театр оперы и балета) начинается столь широко разрекламированный вечер футуристов. Чтобы представить его атмосферу, откроем газеты того времени. «Тифлисский листок»: «Три «пророка», в шутовских нарядах, при поднятии занавеса сидели за длинным столом. В середине – Маяковский в желтой кофте, по одну сторону – Каменский в черном плаще с блестящими звездами, по другую сторону – Бурлюк в грязно-розовом сюртуке. Тсс... тише, господа... это они, пророки, они, футуристы... Вы смеетесь над нами, не понимаете истинных задач искусства, критики «клеветают» на футуристов, газеты «невежественно толкуют о наших выступлениях» – и все это потому, что ваш слух, ваше зрение, ваше понятие о красоте убавоканы, загипнотизированы старыми формами, – говорят нам футуристы. – А между тем, мы, только мы – гений и красота, мы истинные творцы прекрасного. И нагромождаются «доказательства». Один читает лирическое стихотворение, начинающееся так: «Я сошью себе черные штаны...» Другой декламирует с пафосом старого провинциального трагика загадочные строфы о коробке от сардинок, о «смехачах» и «смеюнчиках», о землетрясении женского бюста, о временах года, воплощаемых вариациями одного только бессмысленного слова...»

Перед приездом в Тифлис футуристы проеха-

ли по многим городам, и в каждом их выступления завершались скандалом. Они ожидают того же, в их «Программе о живописи и литературе» специально запланировано «Слово утешения к тем, кто нам свистит». Но та же газета подчеркивает: «Однако Тифлис не свистнул ни разу, а добродушно смеялся и в начале вечера даже рукоплескал забавникам, ищущим новых путей в искусстве путем упразднения здравого смысла». Более того, тифлисский корреспондент петербургского журнала «Театр и искусство» отмечает: «Собравшаяся на вечере футуристов публика провела время довольно интересно и весело». Кстати, именно на этом вечере зал взорвался аплодисментами, когда Маяковский обратился к нему по-грузински.

А вот газета «Кавказ» оказывается не столь доброжелательной, поместив отчет о вечере футуристов в разделе... «Происшествия»: «Читатель сам, надеемся, понял, что отчет о подобном вечере не может быть напечатан в отделе «Театр и музыка», хотя вечер и состоялся в Казенном театре... По порядку действие происходило так: по поднятии занавеса, за большим столом, посреди сцены, оказались сидящими три человека неопределенных лет... На столе перед вышеупомянутыми футуристами стояли стаканы чая средней крепости, с лимоном, и колокол... Господин Маяковский в упомянутом сообществе футуристов является, по-видимому, главарем». Можно считать, что это – отзыв ретрограда, так как, по воспоминанию Каменского, картина была несколько иная: «Пламенная публика жарилась в театре, как шашлык на вертеле. Отдельные фразы, лозунги, вроде «нажимай на левую», стихи, ответы на реплики принимались взрывами горячности... Всем нам были поднесены разные подарки: фрукты, букеты роз, коробка конфет... После окончания толпа молодежи ожидала нас у выхода на улицу, и тут же состоялось продолжение вечера – мы читали стихи и отвечали на многочисленные вопросы. Словом, тифлисский успех превзошел все наши ожидания».

Конечно же, в Тифлисе поэты не могут не побывать в серных банях, в кафе старого города, на горе Мтацминда. Именно тогда Маяковский, глядя с горы на столицу Грузии, произносит свое знаменитое: «Вот это – аудитория! С эстрады этой горы можно разговаривать с миром». «Тифлисский листок» снова брзжит: «Этим прославленным «провозвестникам будущего» мало, тесно в театрах, так они разгуливают по Головинскому в своих желтых облаченьях, собирая уличные толпы и тем мешая пешеходному движению. Пора это «столпотворенье» прекратить». Но вряд ли можно было «прекратить столпотворение», так описанное Каменским: «Тифлисская молодежь, прокопченная солнцем, встретила с исключительным грузинским темпераментом... Наши прогулки по Головинскому были окольцованы грудами сияющей юности».

Еще Каменский на день едет с Маяковским в город его молодости – Кутаиси: «Всюду на улицах Володя встречал молодых людей – друзей детства, обнимался, целовался с ними, говорил по-грузински и острил так, что вокруг грохотал

ТИФЛИССЭЙ КАЗЕННЫЙ ТЕАТРЪ

ВЪ ЧЕТВЕРГЪ 27ГО МАРТА

ФУТУРИСТЫ

ЗНАМЕНИТЫЕ МОСКОВСКИЕ

ОДНА ГАСТРОЛЬ

съ огромнымъ успѣхомъ эта лекція прошла въ Петербургѣ, Москвѣ, Киевѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Назанѣ, Саратовѣ, Ростовѣ, и др. гор.

Иллюстрация: Карусель аэропланов

Читатели! Прочтите доклад 1—АЭРОПЛАНЫ И ПОЭЗИЯ ФУТУРИСТОВЪ

О великихъ техническихъ изобретеніяхъ на современную поэзію. Пробѣги автомобилей и пролеты аэроплановъ, сонмъ аэроплановъ, дадутъ новое мироощущеніе. Новая поэзія о красотѣ.

Прочтите доклад 2—КУБИЗМЪ И ФУТУРИЗМЪ (ЖИВОПИСЬ)

отъ Габриэля де Фюртиста) 1) Прочтены всевозможныя эстетическія сочиненія живописцевъ: Кривика 2) Что такое (искусство) живопись? 3) Европа. Итальянскій обзоръ Живописи XIX в. Жюльенъ-Лавуазье, Варвизио Криво, 4) Россия Обранцы: Брюновъ, Рубинъ, Врубель. 5) Интернационализмъ. 6) Ванъ-Гогъ, Сомма, Монтанъ Чалли 7) Давидъ Периероуэти Кривика. 8) Поэзія «Футуризмъ». 9) Кубизмъ, какъ ученіе о пространствѣ. 10) Рубинъ (Искусство постиженія дна) Футуристы. 11) «Вубоимъ ваятъ», «Домъ живописцевъ», «Славные художники».

Прочтите доклад 3—ДОСТИЖЕНІЕ ФУТУРИЗМА

1) Квалитетъ. Кривика. Будущность. 2) Мы въ мирозданіи науки. 3) Величайшее достиженіе науки. 4) Голосъ дуринера. 5) Группировка художниковъ-футуристовъ. 6) Славныя изобретенія. 7) Достиженіе футуризма. 8) Европа. Футуристы: Д. Врубель, М. Врубель, Игорь Стравинскій, Хайдеманнъ, Давидъ Кавенскій, Кручинскій. 9) Рубинъ въ достиженіяхъ живописцевъ: творчество о славъ живописца. 10) Мы футуристы, какъ живые ваятели въ вѣчную историю живописи.

ВАСИЛІЙ КАМЕНСКІЙ
ДАВИДЪ БУРЛОКЪ
ВЛАДИМИРЪ МАЯКОВСКІЙ
ВЛАДИМИРЪ МАЯКОВСКІЙ
ВАСИЛІЙ КАМЕНСКІЙ
ДАВИДЪ БУРЛОКЪ

БУДУТ ЧИТАТЬ СВОИ СТИХИ

НАЧАЛО ВЪ 8^{ЧАСОВЪ}

Цѣна мѣстамъ отъ 30 коп. до 4 руб. Билеты въ кассѣ театра.

Василий Каменский перед приездом в Тифлис

сочный смех». Общее же резюме от большого турне таково: «После ряда тифлиссских выступлений в оперном театре и в гостях мы побывали еще в разных городах и, наконец, вернулись в Москву в самом воинственном состоянии закаленных бойцов». А в русской поэзии остались стихи, далекие от футуристской зауми:

«О, солнцедатная/ Грузинских гор столица,/ Оранжевая мечта теплиц,/ В твои загарные востока лица/ Смотрю я, царственный Тифлис!... Ты в час,/ Когда восходит солнце,/ Взгляни с горы Давида вниз/ И улыбайся всем в оконца,/ Где розовеется Тифлис./ И сердцем, утром уловленным,/ В сиянье горного экстаза/ Останься/ Вечно

удивленным/ Перед столицей Кавказа.../ Тифлис, Тифлис,/ В твоих духанах/ На берегах крутой Куры/ Преданья жуткие о ханах/ Живут, как жаркие ковры./ Легендой каждой, будто лаской,/ Я преисполнен благодарий, —/ Я весь звучу/ Струной кавказской, —/ Звучи ударно, сазандарий!».

Почти через два года он приезжает в Тифлис с активнейшим футуристическим лектором Владимиром Гольцшмидтом, который, между прочим, — один из основателей артистического действия, называемого сегодня перформансом. После выступлений в Крыму и на Северном Кавказе, не обходившихся без скандалов, в столице Грузии они «утвердились благополучно». Пресса извещает об их вечере-лекции, который пройдет в зале Артистического общества (нынешнего Театра Руставели). Название не может не привлечь — «Вот как надо жить в Тифлисе». Зал переполнен, но реакция общества неоднозначна. Газета «Мшак», например, озаглавливает рецензию недвусмысленно: «Почему стены не протестуют?» и называет футуристов «искателями счастья, которые приехали и превратили храм искусства в шутовскую арену цирка». В ответ Кара-Дарвиш публикует там же «Письмо в редакцию». Он возмущен, что у читателя может сложиться впечатление, будто приехали «занятые грабежом разбойники с большой дороги или возбуждающие иллюзию фокусники». И защищает товарищей по цеху, подробно рассказывая о русском футуризме.

При всем этом, Каменскому вручают цветы, и он уезжает в Баку. Там — полный провал обоих выступлений, и футуристы возвращаются в симпатизирующий им Тифлис. В зале Музыкального училища проходит их второй вечер. Доклад Каменского, как всегда, стремится объять многое: «Вот что такое футуризм: искусство сегодня —

поэзия, музыка, живопись, театр». И тифлисская пресса признает: приезжие все еще не смогли освободиться от «ярмарочной рекламы», но теорию свою сделали более содержательной. Отрицательных откликов почти нет, и оба поэта отправляются в Кутаиси. Там их вечер в переполненном городском театре открывает Паоло Яшвили.

Возвращение в Тифлис радостное: «Неожиданно в Тифлис приехал А.Куприн прочитать лекцию – Судьба Русской Литературы. А.Куприн, Василий Каменский и Заикин дружно слились в Кахетинский триумвират и духаны расцвели и закружились в виноградных возможностях. Ай шени-чериме». Заикин – знаменитый борец и авиатор, давний друг Куприна, приехал выступать в турнирах на арене цирка Ефимова. Каменский, еще петербургским студентом, был его горячим поклонником, и Тифлис

объединяет приезжих знаменитостей. «Последний день чемпионата... Полный зал публики. За столом жюри – писатель А.И. Куприн и футуристы Каменский и Гольцшмидт», – сообщает газета «Закавказская речь» 2 октября.

И вновь слово – Каменскому, который, напомним, пишет о себе в третьем лице: «Встреча двух чемпионов Тела и Духа – Ивана Заикина и Василья Каменского состоялась в духане за кахетинским с лезгинкой. Вскоре они близко – два бурлака Волги да Камы – подружились и почти не расставались. Поэт постоянно ходил в цирк и хорошо познакомился с товарищами Заикина... Поэт чаще и чаще стал вспоминать Свою рыцарскую клятву в детстве – во что бы то ни стало послужить в цирке артистом. Для пробы Поэт в день бенефиса друга Заикина неожиданно для всех появился на арене перед публикой в кругу чемпионата с хартией – Он сказал приветную речь бенефицианту Заикину и прочитал ему Свое стихотворенье – экспромт». Он именует Заикина Стенькой Разиным. А еще и литераторы, и борцы славно кутили в подвальчике «Симпатия».

Затем цирк Ефимова закрывается на зиму, и чемпионат борцов переезжает в более капитальный цирк Евсиевского в начале Головинского проспекта. Хозяин цирка, скорее всего, по совету Заикина, предлагает поэту выступить «рядовым гастролером: в костюме Стеньки Разина, верхом на коне исполнить песни из Его романа, а перед началом сказать речь о поэзии цирка – демократизации Искусства». Подписывается контракт на «три гастролы», «дебют прошел славно». Каменский гарцует на белой лошади в облачении Разина и декламирует стихи из своей поэмы об этом герое. «Его цирковые товарищи трогательно Его обступили после номера и благодарили за речь, где возносилось демократическое искусство цирка римского – до сегодняшнего цирка, где цирковые артисты славились мастерством пластики и яркой любовью к круглой арене...» Он читает стихи и из своей книги «Танго с коровами», демонстрирует собственные зарисовки и убеждает публику: «На цирковой арене должны... подвизаться наравне с цирковыми артистами и представители науки, поэзии и искусства».

В итоге вместо трех он восемь раз выходит на арену. А вместе с Куприным появляется в зале Музыкального училища, но на сцену поднимается лишь тогда, когда писатель, не умеющий выступать на публике, чуть было не срывает свою лекцию. Каменский выходит к рампе, успокаивает публику и помогает другу начать увлекательный рассказ о встречах с великими литераторами. Вообще же, на берегах Куры он чувствует себя отлично: «В солнцедатном Тифлисе в смысле газетных встреч и густых выступлений жилось превосходно. Здесь по-настоящему любили поэтов... Недаром в Грузии много своих поэтов. Как раз тогда блестяще шумела грузинская группа поэтов-новаторов под именем «Голубые роги», это: Робакидзе, Яшвили, Табидзе, Гаприндашвили, Гришашвили... И мы, поэты, жили в тесной дружбе».

В такой приятной обстановке не грех и зазимовать в Тифлисе: «Я снял уютную комнату на Кипиановской 8 в грузинской семье Кучухидзе». Каменский начинает работать в отделе пожертвований Кавказского комитета союза городов, помогающе-

го беженцам и сиротам, снимает комнату, начинает учить грузинский язык: «Салами футуризм!» Конечно же, он снова выступает с лекциями, а на очередном вечере в январе 1917-го читает уже два доклада: «Женщина сегодня и женщина завтра» и... «Поэзия цирка». Цирк действительно «преобразил Его, возродил, орадостил... будто омолодил на 10 лет». В Тифлисе он «искренно-трепетно полюбил цирк, где чуткости и культурности и мастерства, и соборности в сотню раз больше любого театра всегда пошлой драмы с пошлыми актерами – сплошь бездарными дилетантами». Истинно футуристские категоричность и эмоциональность! При том, что его пьеса «Стенька Разин» шла по всей стране. Да и в дальнейшем, как мы увидим, театра он вовсе не чурался.

Дальше – больше: «Я серьезно взялся за печатанье книги стихов Девушки Босиком с помощью Заикина. Работа пошла энергично: нашлась типография, бумага, появилась корректура. Я не спал ночи, исправляя корректуру. Через месяц Девушки Босиком – 2-я книга стихов Василья Каменского вышла... Поэт стал часто выступать со стихами в благотворительных кафэ, куда Он появлялся встречаемый обычно аплодисментами. В газетах-журналах появились как всегда обильные и разнообразные рецензии. Книга разлеталась стремительно: один только Тифлис разобрал пол-издания. Нечаянно появился А.Крученых и Поэты вместе с художником Кириллом Зданевичем (изумительный мастер динамических рисунков) затеяли альбомную книгу – 1918... и быстро выпустили».

Затем – радостное известие из Петрограда: вышла книга Каменского о режиссере, драматурге, философе Николае Евреинове с обложкой, созданной первым профессиональным художником-абхазом Александром Шервашидзе: «Поэт возрадовался кахетински: Он схватил в охапку эту желанную – с любовью изданную книгу... и побежал в духан над Курой справлять свой авторский праздник... И – эх – большой таши – зазвучала лезгинка в мыслях, в сердце, во всех радугах Саэро. И не было Поэту удержу: так понравилась Ему заколдованная Книга о Евреинове. Кахетинские восторги переливались водопадно. И кубок полный кахетинским». Он часто появляется в литературных салонах, особенно – у издателя и редактора нескольких журналов Тигра-

Василий Каменский за работой

на Назаряна. Всюду публика встречает его с большой симпатией.

Ну, а с «нечаянно появившимся» известным футуристом Алексеем Крученых и с местными авангардистами Ильей и Кириллом Зданевичами, Игорем Терентьевым, Николаем Чернявским он участвует в создании футуристической группировки «41 градус». Это – одно из самых ярких явлений «тифлисского ренессанса» русской литературы. А родившиеся в ней новые идеи были взяты на вооружение французскими дадаистами. В феврале 1917 года, вопреки всем препонам введя футуризм в культурную жизнь Грузии, Каменский считает свою миссию выполненной. И, с большим успехом проведя две прощальные лекции, уезжает принимать аплодисменты в Кутаиси, Батуми, Поти, Сухуми, далее – в Россию. В Тифлисе его стихи продолжают звучать в «Фантастическом кабачке» тифлисского синдиката футуристов.

Он еще не раз приезжает в Грузию. Самый примечательный приезд в 1919-м, после ареста белыми в Крыму. Каменский дает газете «Кавказское слово» большое интервью о культурной жизни Москвы и Петрограда, при полных аншлагах читает лекции «Искусство улицы». А на столь памятной сцене Музыкального училища, ставшего уже Консерваторией, тифлиscopy отмечают десятилетие его творческой деятельности. Он уже просто не может не появиться на «круглой арене» цирка – с лекцией на тему «Цирк» и отрывками из «Стеньки Разина». Через год он издает в Тифлисе поэму «Цувамма», в 1927-м – книгу и «И это есть». Тогда же в Тифлисском рабочем театре – премьера его пьесы «Пушкин и Дантес», где он произносит вступительное слово. В том же году, уже со второй женой, Каменский покупает дом в Сухуми: «Сухум изумительное гнездо! Я с ним сроднился так, что будто век тут счастьем солнцеверизым дышал, жил, возился, навораживал, купался, грелся и иногда читал лекции о футуризме в Очемчирах». О творческих делах он пишет: «Маяковский недавно выступал в Баку 4 раза, а я 23. В Тифлисе он же 2 раза, а я 16».

В Тбилиси он приезжает и печатать свой роман о Пушкине и Дантесе. И в 1937-м – уже из московской больницы, с тромбозом (сказалась давняя авиакатастрофа). А в 1943-м – трагический приезд: начинается гангрена, и в начале следующего года в одной из тбилисских больниц ему ампутируют ногу. В Союзе писателей Грузии организуют литературный вечер, посвященный 60-летию поэта, чувствуют его на больничной койке. Через год здесь же – ампутация второй ноги. После отъезда, в конце 1940-х – инсульт, паралич. Но поэт не сдаётся. Он возвращается в Грузию, живет в Сухуми несколько лет. Владая лишь левой рукой, рисует веселые пейзажи и птиц, очень похожих на самолеты...

Василия Каменского не стало в 1961 году. Думается, человек с такой судьбой, с таким характером не хотел бы, чтобы о нем вспоминали как об обезноженном инвалиде. Нет! Его надо помнить таким: «Играй лезгинку!/ Гость Тифлиса,/ Я приглашаю в пляс грузинку/ Со стройным станом кипариса/ Сам стану стройным. Эй, лезгинку!/ Играй лезгинку!/ В развесели/ Я закружился виноградно./ В грузинской дружбе-карусели/ Кровь льется в жилах водопадно./ Таши! Генацвале!»

ЖИВОЙ КЛАССИК

Тамазу Чиладзе – 85

Называя так смело свое скромное посвящение моему старинному другу и любимому автору, я вкладываю в это привычное словосочетание множество смыслов. Живой – не только потому, что жив и здравствует, но еще и потому, что открыт всем ветрам непредсказуемой современности, любит, ненавидит, страдает, борется. Главное тому доказательство – поразительное родство сочинений более чем полувековой давности с теми, которые созданы совсем недавно. Это совсем не значит, что Тамаз Чиладзе за все эти годы не развивался, не становился мудрее, не отшлифовывал свой редкост-

ный талант, не углублял своих знаний. Просто он всю свою жизнь прислушивается к той пронзительной ноте, которую лично я услышала, прочитав его раннюю и совершенно зрелую повесть с таким необычным для прозы тех лет названием «Прогулка на пони». Возможно, эта же снайперская точность попадания в самое сердце поразила и нашего выдающегося режиссера Роберта Стуруа, когда он совсем недавно поставил на сцене театра Руставели подряд две пьесы Тамаза. Я могла бы сказать три пьесы, если бы между первой и последующими не прошло достаточно долгое время. А первой была «Роль

для начинающей актрисы», имевшая огромный успех в Тбилиси и не меньший в Москве.

Тамаз Чиладзе – бесспорный новатор и формы, и содержания. Он пишет и всегда писал так, как будто за ним не стояли многовековые традиции грузинской литературы, хотя он является истинным продолжателем этих традиций. Он окидывает мир взглядом современного человека и замечает в нем мельчайшие детали, возможно, неописанные до него, находит для своих открытий совершенно новые стилистику, тональность, форму. Его всегда считали новатором и даже авангардистом. Когда я, будучи выпускницей Литературного института имени Горького, предложила к защите в качестве дипломной работы перевод повести Тамаза «Полдень», она не была принята. Как сказал председатель экзаменационной комиссии, признанный классик соцреализма Всеволод Иванов, это слишком далеко от традиций двух наших литератур. И это не удивительно, ведь эта проза была прорывом в новое, а скорее в будущее время. Однако очень скоро романы, повести и рассказы Тамаза Чиладзе, поначалу казавшиеся «странными», были признаны не только грузинской, но и русской критикой. Напомню только одну статью Евгения Сидорова, которая так и называлась «Странные люди Тамаза Чиладзе». Герои таких шедевров, как «Пятница» или «Журавль» стали понятными и любимыми для читателей многих стран, на языки которых сочинения Тамаза были переведены, а таковых несколько десятков.

Тамаз Чиладзе начинал свой творческий путь, как и многие писатели, со стихов, которые он продолжает писать всю жизнь. Они тоже сразу обратили на себя внимание искренностью и простотой наряду с глубиной и тонкостью. В моем восприятии поэзия Тамаза продолжает высокую ноту, взятую в нашей литературе великим Николозом Бараташвили. Это стон

Братья Чиладзе с друзьями

С Ладом Гудиашвили

мятущейся души, взывающий из бездны, души, стремящейся к божественной истине. Стихи последних лет привлекают сочетанием зрелости и мудрости с почти юношеской страстью и мятежностью. Конечно, здесь очевиден почерк опытного Мастера, продолжающего свой вечный поиск. Поэтическое творчество Тамаза Чиладзе всегда привлекало внимание таких разных русских поэтов, как Белла Ахмадулина, Евгений Евтушенко, Наталия Соколовская и недоживший до 20 лет Владимир Полетаев, а также многих других известных поэтов. Ниже мы предлагаем подборку новых стихов Тамаза в переводе его давнего друга, крупнейшего поэта современной России Юрия Ряшенцева, в нынешнем же году отмечающего свое 85-летие. Встреча знакомая и символическая.

Особое место в творчестве Тамаза Чиладзе всегда занимала и продолжает занимать столь редкая в наши дни эссеистика. В этом жанре в полной мере раскрывается блестящая эрудиция автора, его поразительная образованность и редкостные знания в области родной и мировой культуры. Даже мало осведомленный о грузинской литературе читатель, к которому попадет опус эссе, может проникнуться неподдельным интересом к древнейшему шедевру Якова Цуртавели («Мученичество Шушаник»), к поэме предвестника эпохи Возрождения Шота Руставели, к целым

С братом Отаром Чиладзе и Беллой Ахмадулиной

пластам достижений прозы и поэзии Грузии XIX – XX веков. Именно объем и многообразие сочинений Тамаза Чиладзе позволяют мне считать и называть его классиком. По сей день он творит под надежным девизом – опираясь на прошлое, вдыхая воздух настоящего, смотреть в будущее.

Я познакомилась с братьями Чиладзе, уже ныне ставшими легендой для современников и не только среди соотечественников, в конце 50-х годов в редакции журнала «Цискари», где собирались самые яркие представители так называемой «новой волны», захлестнувшей в те прекрасные годы не только Европу, но и Грузию, и Россию. Это был период абсолютного обновления языка, литературы, музыки, живописи, театра и кино. Мне кажется, что мы до сих пор живем кислородом, полученным в те не такие уж далекие неповторимые, к сожалению, времена. Чуть позже мне посчастливилось бывать с

мужем и даже с детьми в доме, где ореолом любви и уважения были окружены родители Тамаза, Отара и Тины – благородный и деликатный отец батони Иванэ и добрейшая красавица его супруга Тамар. Я до сих пор дружу с умницей Тинико, участницей и создательницей того бесценного и душевного уюта, который царил и царит в этом доме и в этой семье.

Несколько лет назад Тамаз попробовал себя в новом образе автора биографической прозы. Я имею в виду небольшую книгу «Вместе с Отаром», создающую двойной портрет братьев, чей вклад в родную литературу невозможно переоценить.

Мне трудно поверить, что моему доброму и давнему другу 85, но даты – вещь упрямая, и остается только поздравить и пожелать Тамазу Чиладзе несокрушимого здоровья, ибо литература – тяжелый труд, новых свершений и счастья, для настоящего писателя неразрывного с благополучием его Отчизны.

ТАМАЗ ЧИЛАДЗЕ

Та наша встреча
Была как рука провиденья,
А ведь расстаются обычно –
Друг другу осточертев.

Явление твое подобно
Молнии,
Вдруг обернувшейся
Женщиной – да какой!

Перед тобой
Подъемы, спуски – дороги жизни.
Передо мной –
Волненье
Высохшей глуби морской.

Та наша встреча, пусть в ней заметно Божье участие,
Разве позволит нам этот напиток медленно пить,
Между зарницей и человеком – странное счастье.

«Живу здесь как лишний гость»
(Ван Вей)

На заре голубая дымка реки
Розовеет – не вмиг, постепенно.
А в камине нетленной мечты огоньки
Вновь меня согревают нетленно.

Смолк сверчок. Время бденья царит на земле.
И - не скрыться, не стоит пытаться.
И очки мои тихо лежат на столе
Рядом с мудрою книгой китайца.
Между зарницей и человеком... Может ли быть?

«Это означает полет без крыльев во мраке»
(Отар Чиладзе)

Ты, как будто назло провиденью,
Время опередил и судьбу,
В одиночку стремительной тенью
За глухую скользнув городьбу.

Вспоминаю бывшее сегодня я,
Как без крыльев над тучей полет.
Речь небес, столь внезапно свободная!
В ней хоть тень утешенья живет.

Там привычно тебе, где лишь звездочки
Разговаривают во мгле –
Ведь, как птица, земли ты ни горсточки
Никогда не имел на земле.

Как от жизни хмелели, по чести, мы!..
Хоть глоток на двоих бы испить,
Чтоб из этого мира да вместе бы
На пароме Харона уплыть...

Кто поверит – никто, наверное: вдруг умолкла морская раковина,
Что лежит на столе транзистором,
Позволяющим слушать молчание
Океанских глубин порой.

Голос моря исчез, и, стало быть,
Тайна жизни его ушла.

Да, ракушка лежит, безмолвная,
Что ни делаю – толку чуть.

И глазами ишу невольно я
Телефон, чтоб услышать голос твой,
Голос,
Голос,
Похожий, мне кажется,
На живую и говорящую
Тишину морской глубины.
Но – жужжание одиночества,
Вместо голоса твоего.

Мир пустеет. Что-то закончилось.
Что-то... Только-то и всего...

Да, оказывается и раковина,
И раковина не пуста.
Вот что-то внезапно угасло в ней, и – полная немота...

Он как будто задремлет. Но живо
Станционный разбудит трезвон.
И покатит приют пассажира,
Полный старческой боли вагон.

Как беглец добровольный, навстречу
Тьме дорог устремляет он взгляд.
Пепел жизни покрыл его плечи...
Путь к себе, возвращенье назад.

Так в бездушной железной машине
Молча старости мчит колыбель.
Одиночество,
Гребень всей жизни,
Приглушают привычную боль.

В городе ветер не умещался,
Бился о двери в приступах лютых,
Словно ворваться к людям пытался:
То ли разведал что-то им сверху,
То ли надежду, тлевшую в людях,
Думал задуть он, словно бы свечку.

Эта надежда, данная свыше,
То угасает, то вдруг пылает.
То, что Господь нам в судьбах напишет,
С нашим рождением сам и стирает.

Что написал он, то не изрек он.
Только надежду нам он оставил.
Но не за это ль Бога мы славим,
Дом наш украсив светом из окон?
Мы их открыть готовы. Но прежде
Ждем тишины пред вихрем, потоком
В мире, где нету места надежде.

Перевод с грузинского Юрия РЯШЕНЦЕВА

БЕССМЕРТИЕ ВЕЛИКОГО ПОЭТА

К 175-летию со дня рождения и 100-летию со дня смерти Акакия Церетели

■ Ладо МИНАШВИЛИ

Н и один грузинский поэт после Шота Руставели не удостоивался такой любви и всеобщего признания, как Акакий Церетели.

В его творчестве с начала же проявились душевные устремления и своеобычие грузинской нации. По словам Ильи Чавчавадзе, Акакий был наделен «счастливым талантом». Духовный отец народа и провидец, Илья писал об Акакии: «служение и лепту его грузин сохранит в своем сердце навсегда», «его прекрасные стихи не раз усладят слух и чувства народа, и не раз призовут к беззаветному служению отчизне».

По словам Галактиона Табидзе, «много поэтов дал Грузии девятнадцатый век, но подобного Акакию, который выразил бы себя и свое время так полно, в поэзии нет никого... У него не встречается фальшивых нот, он поэт живого чувства». По мысли Галактиона, Акакий для грузина не просто поэт. Он больше, чем кто-либо выражает характер грузинского человека. Сама личность его – как сколок судьбы грузин.

Акакий родился 21 июня 1840 года в Верхней Имерети, в селе Схвители, что близ Сачхере. Отец его, князь Ростом Церетели, отличался живым умом, юмором, был остер на язык, власти ему многое прощали, уважая его за правдивость и прямоту. Мать, Экатэринэ, внучка Соломона I, дочь

Иванэ Абашели, осиротев, воспитывалась в семье последнего владетельного князя Гурии, Левана Гуриэли. Она выделялась своей начитанностью, была искусной рукодельницей и вместе с тем – хорошей воспитательницей.

По старинному обычаю, Акакий с младенчества до шести лет рос в семье кормилицы вместе со своим молочным братом в селении Саванэ. Начальным образованием его занималась мать. Восьми лет его отдали в Кутаисскую гимназию. Здесь он подружился с преподавателем математики, поляком Родзевичем, от которого впервые услышал историю Конрада Валленрода и настолько вдохновился пафосом поэмы Адама Мицкевича и его героем, что решил подобно ему стать полководцем и освободителем родины. Вдохновленный этой идеей, юноша, не окончив гимназии, поехал в Петербург, чтобы поступить там в военное училище. К счастью, приехав туда, он попал в общество студентов-грузин, которым удалось отговорить его от этой затеи, и вместо военного училища он поступил на факультет востоковедения Петербургского университета.

Петербургский период оказался весьма плодотворным для Акакия и значительным для формирования его гражданского самосознания. Он сдал все экзамены раньше положенного срока и представил

интересную дипломную работу, которая получила всеобщее одобрение, но поскольку гимназия была им не окончена, диплом ему выдать не смогли. Он подумывал о продолжении учебы за границей, но неожиданно для самого себя женился в Москве на Наталии Базилевской и вернулся на родину.

Как в творчестве, так и по своему образу жизни Акакий был свободным поэтом. Официально он нигде никогда не служил. Возможности своего блестящего таланта он полностью посвятил служению родине.

Вскоре по возвращении он становится активным автором журнала «Цискари». Участвует в начатой Ильей Чавчавадзе полемике по вопросу «отцов и детей». В первой же своей статье он поддерживает Илью. Позднее Нико Николадзе приглашает его к сотрудничеству в газете «Дрозба». Он становится желанным автором всех выходивших в Тбилиси журналов и газет – «Кребули», «Джеджили», «Квали», чавчавадзевской «Иверии», куда Илья в известном письме пригласил его к сотрудничеству.

В 1897 году Акакий основывает собственный журнал «Помесячный сборник Акакия» («აკაკის თვეური კრებული»), который издавался три года. Большое место на его страницах уделялось публикации образцов грузинского народного устного творчества.

В 1907 году Акакий издает сатирико-юмористический журнал «Хумара» («Шут»). С первого же номера журнал был запрещен, а его редактора приглашают провести ночь в тюрьме. Однако он не унимается, и в том же году издает по два номера сатирико-юмористических журналов – «Охунджи» («Шутник») и „ზზივი“ («Оса»), которых очень скоро постигла судьба «Хумары».

Трудно переоценить роль Акакия в развитии грузинского театра. В конце 60-х годов он вместе с Рафиэлом Эристави, а потом и с педагогом Мосидзе создает группу любителей сцены и осуществляет несколько постановок. А к концу 1870-х годов Акакий выступает инициатором восстановления профессионального драматического театра. В 1881 году по просьбе Ильи Акакий в течение года занимает пост директора и художественного руководителя театра. Стараниями Акакия театр получает здание и регулярно дает спектакли. В 1903 году театр обращается к Акакию с просьбой снова возглавить работу. Поэт с воодушевлением встречает это предложение и снова целый сезон руководит театром. В том сезоне зрителю были показаны «Гамлет», «Отелло» и «Укрощение строптивой» В.Шекспира, «Доктор Штокман» Г.Ибсена, «Измена» А.Сумбатова-Южина, «Родина» Д.Эристави, «Патара Кахи» («Маленький кахетинец») А.Церетели... Этот репертуар украсил бы театральную сцену любой передовой страны. Акакий очень помогал театру и своей драматургией, благодаря которой репертуар обогащался новыми пьесами.

Пожалуй, не осталось ни одного значительного национального начинания, в котором бы Акакий не

принимал действенного участия, будь то «Общество распространения грамотности среди грузин», или установление текста «Вепхисткаосани», подготовка его к изданию, или что-либо другое – все входило в сферу его плодотворной и неустанной деятельности.

Он обошел и объездил всю Грузию, и всюду народ встречал его с любовью и почетом. Илья Чавчавадзе писал по этому поводу, что «счастлив... Акакий, потому что плоды его заслуг перед родиной он видит воочию, своими глазами, куда бы он не пошел, повсюду его встречают любовь и уважение грузин».

Акакий Церетели скончался семидесяти пяти лет от роду 26 января 1915 года, в расцвете своей славы и всенародной любви и почтения. В 1859 году в мартовском номере «Цискари» впервые появилось его стихотворение рядом со стихотворением Ильи Чавчавадзе, и народ навсегда связал эти два имени. Акакия похоронили на Мтацминда рядом с Ильей.

По разносторонности творчества Акакий Церетели настоящий шестидесятник. Блистательный поэт-лирик, драматург, прозаик, автор литературно-критических и публицистических статей – литературное творчество Акакия охватывало почти все жанры. Но прежде всего он был несравненный поэт-лирик. Для него поэзия – небесный дар, ниспосланный Богом. И этого дара удостаиваются лишь избранные. Однако этот дар вовсе не обеспечивает личного счастья поэту. Напротив, с того дня как человек почувствует божественную силу поэзии, «спокойствие для него кончается», повсюду с ним одиночество и бесприютность.

Акакий Церетели с супругой

Акакий Церетели

Чувствую всюду вражду,
Отгорела дружба
С той поры, как ты
Стала гостить у меня, Муза... –

читаем в его стихах (перевод подстрочный).

Понимание творчества как судьбы, по замечанию Галактиона, свидетельствует о глубокой современности мировоззрения Акакия. Поэт считает, что в основе таланта лежит божественная любовь, заставляющая забыть все испытания и тяготы жизни и возносить хвалу Господу.

Миссию поэта он считал божественной.

«Мне думается, – писал он, – в мир явлен я для того, ради чего Спаситель страдал на кресте». Это было кредо Акакия как человека и как творца.

Сила неисчерпаемой христианской любви – основа его кредо (И.Эвгенидзе).

По мысли Акакия, творец отличается от обычного человека, ведь он посредник между небом и землей, он принадлежит и небу, и земле. И не должно удивляться его мудрости, как и его, порой, быть может, безрассудству, ибо властитель его мыслей и чувств «некто другой».

В то же время Акакий считает себя «трубой обстоятельств», служащей правде. Сила поэзии в искренности и непосредственности. Поэт идет своим путем, гармоничное звучание струн чонгури сопровождает его, и не утратит его даже побивание камнями.

Поэзия должна подавать надежду угнетенному и стрелой пронзять сердце угнетателя.

Патриотизм, национально-освободительная идея – основа основ творчества Акакия. Но патриотическое чувство его благородно, так как оно подразумевает уважение к другим народам. Для него

весь мир – иконостас, но у него своя единственная икона – его родина («Перед образом»).

В отличие от лирики И.Чавчавадзе, где господствует идея родины, лирика Акакия насыщена конкретными эмоциональными картинками. Родина у Акакия это страна, где «небо-бирюза, земля-изумруд», это обманутая врагом возлюбленная, это больной, который «не умер, просто спит и вновь проснется», вечная возлюбленная – Нэстан, которая таится в плену каджей (злых духов) и ждет избавителя, это Амирани, цепью прикованный к Кавказскому хребту, но придет время и герой разорвет все цепи и оковы.

Патриотическая лирика А.Церетели сильна и тем, что он не проповедует, а ведет спор, в течение которого осуждает тех, кто забывает свой долг перед родиной, обличает тех, кто ни дома, ни на чужбине не годится, кто родного языка не знает, а за иностранный цепляется, кто родной матери, больной, стыдится, а перед мачехой-чужестранкой шею гнет.

Большинство стихотворений наряду с патриотической направленностью отличается политической прозорливостью, остротой и бескомпромиссностью («Новое право», «Заботникам», «Наш Михаил», «Звон», «Ура депутатам», «Жених по принуждению» и другие).

С национальной позиции рассматривает поэт и социальную тему.

Вскормленный грузинской крестьянкой, он с раннего детства проникся любовью и сочувствием к трудовому человеку. Эти чувства проходят через все его творчество. Свободный труд в свободной стране – вот один из его идеалов, он выступает против всей системы самодержавия. Однако в его борьбе веет национально-освободительный дух. По неколебимому убеждению Акакия, подлинное социальное равенство и личная свобода возможны лишь в свободной стране.

Акакий не раз говорил, что он не столько заботится о художественной стороне своих произведений, сколько старается показать в своей поэзии боль родины, заботы народа, и если он и создал что-то примечательное с точки зрения искусства, так это получилось независимо от него самого.

В этих словах проявляется скромность, обычно присущая великим художникам, ведь его талант, по высказыванию Галактиона, «смог объять вечное и бессмертное». И в то же время эти его слова объясняют характер очень многих его стихотворений. Большое место в лирике Акакия занимает тема грузинского быта XIX века. По художественной силе описания этого быта с Акакием не сравнится ни один грузинский поэт. Наделенный необыкновенным чувством современности, он стоял на высоте своего времени и отображал явления и быт своей эпохи, но, воскрешая прошлое, он рассматривал его с позиции, стоящей выше локального времени, вневременной, и произведения его преодолевали временной рубеж. Тут уместно вспомнить справедливое замечание Гегеля: «Если изображенный

художником материал не имеет никакой связи с настоящим, с современной жизнью, тогда он уже не наш, прошлое собственного народа должно находиться в тесной связи с сегодняшним его положением, с его жизнью и существованием». Если о ком-либо из грузинских поэтов можно сказать, что он современен по своему мышлению и чувствам, то в первую очередь это относится к А.Церетели.

Духом современности пронизаны исторические произведения Акакия. Стремясь пробудить в читателях патриотические чувства, он и в лирике нередко обращался к исторической тематике, а в его эпических произведениях прошлое Грузии занимает особое место. Можно смело сказать, что А.Церетели поставил прошлое на службу не только настоящему, но и будущему. История приобрела силу примера и стимула, и поэт специально отбирал из прошлого соответствующий материал и соответствующих героев. Из произведений такого характера выделяются поэмы «Торнике Эристави», «Натэла», повесть «Баши-Ачуки», драмы «Патара Кахи» (так народ прозвал царя Ираклия, отличавшегося отвагой, мужеством и невысоким ростом), «Коварная Тамар» и др. Наряду с героями Акакий изображал и тех, кто шел на измену, совершал недостойные поступки, снимая с себя моральную ответственность и объясняя все это тяжелым временем и т.п. В произведениях на историческую тему Акакий прибегает к простым народным формам, благодаря чему ему удается максимально приблизить к современникам события прошлого и его героев.

Предметом постоянного интереса Акакия была проблема воспитания молодого поколения. Из произведений на эту тему нельзя не назвать повесть «Маленький Тариэл» и замечательную «Историю моей жизни» («ჩემი თავგადასავალი»), но особого внимания заслуживает поэма «Воспитатель» («გამზრდელი»). В ней автор с присущей ему живостью и красочной образностью рассматривает проблему – что является главным, определяющим в становлении личности: воспитание или иные факторы.

В грузинском обществе конца XIX столетия именно тогда и появилась поэма, – на этот счет существовали два исключаящих друг друга мнения. Одно, идущее из давнего прошлого и сформировавшееся в теорию в XVIII веке, согласно которой единственным решающим фактором являлось воспитание, и второе, оформившееся в теорию в XIX веке: все дело в наследственности, человеческую личность формируют врожденные, присущие ему свойства и качества. Не суть важно, знал ли А.Церетели эти теории. Важно то, что он пишет в своей поэме: «Однако что может сделать только лишь обучение (тренировка), если и природа (натура) не поможет». Иначе говоря, для достижения желаемого результата необходимо объединение, комплекс обоих факторов. Все это поэт показал на примере Сафар-бега. Таким образом, благодаря своей поэтической интуиции, Акакий выдвинул

Дом-музей Акакия Церетели в с.Схвитори

идею, которую, независимо от него, уже в XX веке немецкий ученый, психолог Вильям Штерн сформулировал в теорию конвергенции.

Упомянутая выше «История моей жизни» А.Церетели безусловно выделяется среди автобиографических произведений грузинской художественной прозы XIX века. Повествование ведется легко, в непринужденной манере с присущим Акакию юмором. Привлекательны портреты его друзей и единомышленников, грузинских писателей и общественных деятелей. Проблемы, затронутые писателем в этом произведении, не теряют своей актуальности даже по сей день.

Как уже отмечалось выше, Акакий – автор интересных литературно-критических и литературоведческих статей. В одной из них (1865 г.) Акакий ставит Илью рядом с Николозом Бараташвили. Это было ново, но время подтвердило его взгляд.

На протяжении всей жизни его интересовали сюжет и проблематика руставелевского «Вепхисткаосани». Вопрос оригинальности сюжета поэмы стал темой его дипломной работы. А в 80-х годах он прочел три лекции о «Вепхисткаосани», в которых он, стремясь показать, что характеры героев поэмы воссоздают нрав и характер представителей различных исторических провинций Грузии, подчеркивает их единство и взаимоподдержку. Эти лекции возбудили серьезную полемику Акакия и Ильи.

Акакий оставил богатое и интересное публицистическое наследие. В этих работах он затрагивает насущные вопросы грузинской действительности. Акакий неустанно служил родному народу и отчизне. Своим многогранным, богатым, неувядаемым творчеством, всей своей деятельностью Акакий Церетели не только заслужил всенародную любовь, но и обессмертил свое имя.

Мзия Хетагури

СОЛНЕЧНАЯ ПОЭЗИЯ МЗИИ

В марте, первом весеннем месяце года, мы отмечаем юбилей Мзии Хетагури – известного грузинского поэта, общественного деятеля, женщины, одаренной ярким, многогранным талантом и добрым сердцем. Поэзия, драматургия, детская литература, публицистика – ее произведения во всех этих областях значительны и заметны. Мзия – автор 21-й книги, множество ее стихотворений переведено на разные языки мира, сама она, словно посланник мира, ездила по разным странам...

Осетинка по происхождению, она потеряла в Цхинвали близких во время грузино-осетинского конфликта. Много делала для ослабления напряженности в регионе. Мзия Хетагури, кавалер ордена Чести – лауреат премий Галактиона, Вл. Маяковского, Мревлишвили, И. Мачабели, Шио Мгвимели, Давида Агмашенебели, победитель многих конкурсов, ее детская пьеса «Непоседа» получила первый приз на двух международных фестивалях. В числе ее престижных наград самая престижная – от Католикоса-Патриарха Всея Грузии Илии II – золотой орден Святого Георгия.

На встрече с Католикосом-Патриархом всея Грузии Илией II

«Русский клуб» поздравляет юбиляра и желает Мзии Хетагури долгого здоровья и еще много-много творческих побед!

В моей памяти образцом невывцветающей красоты живет Мзия Хетагури, какой я увидел ее много лет назад.

Мзия известный грузинский поэт. Она хорошо знает и ценит наше прошлое. Ее поэзия ассоциируется с любовью к родине.

Сегодня Мзии исполняется 70 лет. А мне не верится – я снова вижу ее 25-летней. В одном из ее стихотворений есть такие строки:

*Люблю тебя, когда
 благосклонны
Или изменяют мне боги,
Любила тебя, когда цвела,
Люблю тебя, когда старею.*

Я присоединяюсь к этим строкам.

Твой **Джансуг ЧАРКВИАНИ**

Мзия!

Неиссякаемая солнечная энергия исходит не только от имени Мзии Хетагури, но и от всего ее облика, от ее богатого многогранного творчества. Этот свет и согревает нас, и освещает нам путь. Ведь она плоть от плоти своей прекрасной Родины, она несет в себе драгоценную частичку волшебного края Самачабло, откуда она родом. Боль вероломно отсеченной земли незаживающей раной проходит через сердце поэта, но она всеми силами старается преодолеть эту трагедию, выпавшую, в том числе,

и на ее долю. Она встала на ноги в духовном, физическом и моральном смысле. Она, как и всегда, может поддерживать тех, кому еще хуже, больнее, тяжелее. Эта бесценная помощь – ее поэзия, ее общественная деятельность. Я знала мать Мзии Хетагури, замечательного врача Кристину Васильевну Тедиашвили, при жизни известную далеко за пределами Цхинвали. Я близко знакома с семьей Мзии, которую очень люблю и глубоко уважаю. Ее дочь Иринэ Гочашвили, выпускница переводческого отделения Московского литературного института им. Горького, недавно выпустила книгу переводов на грузинский язык стихотворений русских поэтов, посвященных Грузии. Этот сборник – еще одно свидетельство таланта, крепости духа и мужества еще одного члена этой прекрасной семьи. Ведь Иринэ долго молчала после гибели молодого мужа на абхазской войне и вот нашла в себе силы написать обо всем.

Я слежу за творчеством Мзии не один десяток лет и горжусь дружбой с нею. Я хотела бы быть рядом с ней в день ее юбилея, но мне приходится только отсюда, из Москвы, где так много поклонников ее красоты и таланта, поздравить солнечную Мзию и пожелать ей новых успехов во всех ее делах, более благополучной жизни, которую она заслужила своим самоотверженным трудом.

Анаида БЕСТАВАШВИЛИ

Давно уже я наблюдаю за творчеством Мзии Хетагури, с интересом читаю ее стихи, и меня радует,

что она никогда не теряет чувство новизны. Ей чужды ложная оригинальность, рассчитанные на эффект пустые метафоры и сравнения, она справедливо считает, что лирике более подходит тон беседы и простота. Но когда тема того требует, она проявляет соответствующий темперамент.

Она доброжелательный, отзывчивый человек, без эмоции, без переживания она и строчки не написала.

Мать Мзии Кристина Тедиашвили была известный в Цхинвали опытный педиатр. Отец Владимир Хетагури известный хореограф, был настоящим волшебником танца. Находясь вместе с Илико Сухишвили на гастролях в Великобритании, он буквально покорила тамошнего зрителя. Мзия, вероятно, от отца унаследовала артистизм, который так украшает ее.

Желаю ей – моему младшему другу, бодрости, здоровья и новых побед!

Эмзар КВИТАИШВИЛИ

Дорогая Мзия!

Поздравляю Вас с замечательным юбилеем! Вы пришли к этому празднику с полными руками, руками, приятно отягченными плодами трудов вашего сердца, ума и интеллекта. Не ошибся великий Иосиф Гришашвили, когда сказал о Вас, двенадцатилетней: «Эта девочка – поэт». Поэт, драматург, театровед, автор 21-й книги, пианистка и общественный деятель, ратующая за мир между народами, удостоенная многих наград, а главное – кавалер ордена Святого Георгия... И это еще не все, что можно о Вас сказать.

Поздравляю Вас и Вашу замечательную семью, желаю Вам еще многих, многих лет плодотворного и успешного творчества и радости!

**Камилла-Мариам
КОРИНТЭЛИ**

Калбатони Мзия Хетагури относится к творцам той категории, которая по своему менталитету, взглядам, отношению к литературе – и не только к литературе – всегда опережает время. Потому ее творчество, которое несет в себе личные черты и харизматичность автора, столь самобытно и отлично.

Мзия Хетагури всегда искрен-

на, правдива и проста в своей сложности, она всегда разбивает стереотипы, не уместается ни в какие рамки, однако всегда верна внутренней порядочности.

На такое отношение к искусству, литературе и к самой себе способны лишь единицы.

Произведения калбатони Мзии подобны красивым камешкам, которыми нас щедро одаряет бескрайнее море ее души.

Эка БАКРАДЗЕ

Каждый поэт мне что-то напоминает, что-то такое, что выражает нечто главное, характерное для него.

Вдохновение, боль, эстетика – всегда, когда я вспоминаю о Мзие, эти три слова сопровождают мою мысль. Думаю, эти три слова не только исполнены глубокого смысла, но, более того, без этой триады не было бы поэзии.

Вдохновение, боль, эстетика – именно эти три понятия пронизывают каждое стихотворение и, переплавленные художественным мастерством, создают ее индивидуальный стиль.

Поэт Мзия Хетагури (не будем забывать, что имя ее идет от грузинского «мзэ» – солнце) упорно ищет в современном человеке, обобранном массовой культурой, хоть малую толику добра, немного света, чуточку милосердия и великодушно посчитает эти – пусть даже крохи – за большое благо.

Позволю себе привести строки одного из ее стихотворений:

*Спросите поэтов – королей,
львов –
Сперва Галактиона, потом –
Тициана,*

*Как величаво порой
проходит
Репетиция одной ж и з н и!
(перевод подстрочный)*

В этой строфе я позволил себе заменить одно слово – вместо «смерти» вписал «жизнь». Да, именно та жизнь, которую Мзия превращает в солнечную поэзию и с такой щедростью дарит нам.

Мурман ТАВДИШВИЛИ

...Она личность, женщина без феминизма, эмансипации, секс-революции и ложной скромности.

Она сама и скромность, и дерзость. Она всегда готова помочь без той суетливости, которая указывает на стереотип женщины. Если порой покажется, что она многословна, знайте – каждое ее слово слито с молитвой.

...Вы постигли ее стихи? Вы слышали ее смелые суждения?

А вы слушали Бетховена в ее исполнении?

Ее характер поймет не каждый. Причина? Поверхность плюс зависть. Но Мзия владеет оружием против зависти: она не расстраивается, но жалеет завистника.

И еще одна, отнюдь не незначительная деталь: социальные и политические аспекты ее выступлений могли бы вызвать недовольство власть имущих, но опять же ее талант и неожиданный такт обуславливает осторожное и почтительное отношение к этой женщине.

Ханс КРЮГЕ

Моя дорогая Мзия!

Поздравляю тебя с замечательной юбилейной датой!

Пусть еще долго-долго блистает твой талант во благо нашей родины.

Да бережет тебя, обладателя ордена Святого Георгия, его сила!

Элдино САГАРАДЗЕ

С Резо Чхеидзе

СТИХОТВОРЕНИЯ

ГДЕ ОН?

Я знаю все свои пороки
И все достоинства свои,
И сознаю, в какие сроки
Мне ждать живительной струи.
Кого найду за перевалом,
Куда швырнет волна мечты,
Чего добьюсь трудом усталым,
Где отдохну от суеты.
Кто рад, что я живу на свете,
А кто – совсем наоборот,
И кто моей страшится смерти,
И кто ее с надеждой ждет.
Когда однажды, рухнув, кровля
Падет на голову мою,
Кому недуг, кому здоровье
Она подарит – сознаю!
Перед концом не надо боле
Ни объяснения, ни письма.
Зачем? Полна любви и боли
Измена черная сама.
Любой, кто только взглядом смерит,
Меня поправить норовит...
Где тот, который мне поверит
И мне меня же подарит?

Перевод Юрия Ряшенцева

ВЕРЕВКА

Рубашка твоя подвешена вверх ногами.
На веревке, шевелясь, прогибаясь,
Как объятие, распахнутыми рукавами
Ловит ветер, напоминает парус.

То ко мне рванется, то вдруг откроет
Всю себя с изнанки – лугам, оврагу.
Скоро дождь пройдет и ее омоет,
Как живую, – живой и блаженной влагой.

О, рубашка, мною обласканная! Чужими снами
Заморочена, ветром чужим примята.
И не знает, что возле – выцветает всеми цветами
Платье мое, любимое ею когда-то...

Смеркается. Слезы подобны веревке, веревка – распятью.
Перед порывом ветра – все прищепки напрасны.
Скоро покажется, что за этой рубашкой и платьем
Ничего не стоит. И они, как висельники, ужасны.

Перевод Олеси Николаевой

Благодарю тебя, моя печаль!
Не ведаешь сама ты,
Какими звуками и звоном наполняешь
Простор моей души, обитель тела!..
Расцветиваешь красками какими
Пространство моего существования!
Великолепным одиночеством каким
Меня ты наградила!

Какие подарила сны!
Какую явь затмила!
Необитаемый пожертвовала остров
В соленом море скорби...
Непостижимая, бескрайняя какая
Открылась даль...
Как тихо шелестят надломленные крылья...
Какой струне непрочной однозвучной
Доверила мою
Многоголосую земную песню...
Благодарю тебя, моя печаль!

Перевод Лидии Григорьевой

ПОЧТОВОЕ ОТДЕЛЕНИЕ 0304

Памяти Нодара Думбадзе

Помню тихий почтамт в закоулках Москвы,
Где ни спешки, ни шума, ни гама,
Где девчонка без слов, не подняв головы,
Прочитала мою телеграмму,
А другая девчонка о чем-то смешном
Ей по-женски шепнула украдкой
И меж делом за мутным почтовым стеклом
Угостила ее шоколадкой.
Телеграмма для них – это только слова,
А слова просто выверить надо,
Не касаясь трагичного их существа,
Прожевать свой кусок шоколада...
Кто сегодня меня успокоит? Никто.
Ветер выл угрожающе тонко.
Я стояла, плотней запахнувши пальто.
Серый бланк заполняла девчонка,
Вдруг недобро впервые меня оглядев,
Как врага, как исчадь кошмара,
На меня свой бессильный обрушила гнев?
«Как? Не стало Думбадзе? Нодара?
Я не верю, вы пишете что-то не то!»
Передернулись девичьи плечи.
Я сказала, плотней запахнувши пальто:
«Это правда...» И мне стало легче.
«Что случилось?» В глазах был отчаянный страх.
«Ах, инфаркт...» И от острой печали
Две серьги задрожали на детских ушах,
И в глазах две слезы задрожали.
На лицо набежала тяжелая тень.
Руки жадно ласкали бумагу.
«Ах, скорей бы окончился нынешний день!
Ах, какое несчастье однако!»
И ее окружили другие и вмиг
Слух, как ветер прошел по почтамту,
Что скончался отец удивительных книг,
Что не стало такого таланта...
Да, не стало отца. Невозможно ясней
Было выразить скорбь о Нодаре.
С каждым днем вечера становились темней
На Тверском опустевшем бульваре.
На желтеющей ветке поникла звезда.
Осень в город проникла, ликуя.
Осень выбрала жертву себе, как всегда...
В этот раз чересчур дороую.

Перевод Ларисы Шурыгиной-Фоменко

СНЫ В ТБИЛИСИ

■ **Илья ЛИСНЯНСКИЙ**

*Мне снились в Тбилиси лесные сливы...
Какие сливы??? Что за ерунда?
В Тбилиси мне снились лесные лисы.
ТЬфу!
В Тбилиси мне снились сны. Ну, конечно же, сны!*

Сон первый.

Про то, сколько не жалко и как все друг друга понимают.

Посвящается Лене и Володе Головиным

Когда перед поездкой в Тбилиси я списывался со своими знакомыми, выясняя бытовые подробности, то удивился тому, какое значение они придают оплате поездки в такси из аэропорта. Бес категорически настаивал на 20 лари, «и ни копейки сверху», Лена же, как всякая женщина, была склонна к компромиссу, считая максимально допустимой сумму в 30 лари.

Для меня разница в 17 шекелей не являлась принципиальной. Но неужели там такси без счетчика?

О, тбилисцы, знали, о чем говорят, они искренне желали избавить меня от лишних затрат и неприятных впечатлений.

Таксист решительно заявил: «42 лари!». Встретившись с моим недобрым взглядом, тут же сбросил до 35. Но и на этой попытке его не ждали кисельные реки и молочные берега.

— Хорошо, заплати, сколько не жалко. Сколько тебе не жалко, дорогой?

Я сказал точно, сколько заплачу, игнорируя понятие жалости, и он, вполне удовлетворенный моей осведомленностью, живо довез нас до центра города.

Это «заплати, сколько не жалко» вместо ясно оговоренной суммы, преследовало меня все время, проведенное в Грузии: на рынке, в винодельне, в серных банях. И только однажды было иначе. На склоне горы Мтацминда, где похоронены писатели, артисты и ученые, мы самостоя-

тельно смогли прочесть лишь две эпитафии: на памятниках Грибоедову и Нине Чавчавадзе. Остальные были на недоступном для нас грузинском языке. Растерянно я смотрел по сторонам, пока не появился священник из храма Святого Давида, на территории которого разбито кладбище. Для начала он любезно показал часовню «с недавно отреставрированным источником живой воды», а потом кликнул смотрителя Пантеона, который педантично обошел с нами все надгробия и скороговоркой, но довольно подробно, перечислил заслуги покойников перед матерью-Грузией. Закончил он свой рассказ широким взмахом руки: «И вот сегодня, дорогие мои, все здесь перед вами: любимая мама Сталина Екатерина Геладзе, первый президент страны Звиад Гамсахурдия, гениальный поэт Важа Пшавела, великий художник Ладо Гудиашвили, знаменитый писатель Нодар Думбадзе, семья замечательных артистов Верико Анджапаридзе и Михаил Чиаурели, святой Илья Чавчавадзе и я, зритель Отари!»

Потрясенный концовкой рассказа, я обратился к нему с максимальным почтением в голосе: «Уважаемый Отари, чем могу отблагодарить Вас за столь замеча-

тельную экскурсию по этому выдающемуся некрополю?»

– Чем больше, тем лучше!

И, что характерно, Тбилиси просыпается не раньше... Мне, ленивому, привыкшему начинать свой рабочий день в восемь, когда, в принципе, жизнь уже кипит, показалось странным, что кондитерская в 7 утра закрыта. И в 8 она закрыта. И в 9. Нет, не подумайте плохого, кофе в центре города есть, его прекрасно сварят или приготовят «экспрессо», но выпечку в кафе завезут не раньше 10 – 10:30. А пока можно пожевать вчерашнюю, если осталась. Так, вообще-то, никто и не торопится. Действительно, чего торопиться? Как сказал мне продавец на блошином рынке: «Не спеши, дорогой. Вижу, что ты хочешь походить, сравнить. А я не убегу. Я целый день тут. Куда нам спешить? В Тбилиси все друг друга понимают».

Но более всего потрясают переходы через улицу. Их в Тбилиси нет. То есть, вообще-то, они есть, но «как бы». Тут вспоминается старый анекдот:

Российский автотурист в Грузии озадаченно смотрит, как одна за другой проезжают местные машины под «кирпич». Он решил последовать их примеру, но тут же был остановлен ГАИшником.

– Вы проехали под запрещающий знак. Штраф!

– Так все же едут!

– Дорогой, ты знак видел?

– Видел, конечно!

– Вот! А они не видят.

Так и с переходами: зебры есть, но их никто не видит. Светофоры тоже иногда встречаются, но похоже, красный свет водителями воспринимается как личное оскорбление. Пешеходы скачут между машинами, машины тормозят и вихлят, с трудом уворачиваясь от пешеходов. Бабушки, груженные сумками с продуктами, словно профессиональные спортсменки, лихо пробегают дистанцию с прелестиями, грузовые отцы семейства солидно вышагивают, не уступая дорогу «Мерседесам», каждый занимается своим делом, совершенно не заморачиваясь правилами дорожного движения или законами.

Все это выглядело хаотичным и, на первый взгляд, смертельно опасным. Я долго стоял на тротуаре, не решаясь шагнуть на проезжую часть. Подошел добрый человек: «Иди, иди, все будет хорошо. Это Тбилиси, дорогой, все друг друга понимают».

Зажмурившись, я оттолкнулся от бордюра и, о чудо! Каким-то образом оказался на другой стороне.

Вспомнился еще один старый анекдот:

Таксист везет российского пассажира и проезжает на красный свет.

– Как это вы едете на красный?

– Ээ, дарагой, я – джигит! Для джигита нет запретов.

Ситуация повторяется. Снова проскакивает на красный

– Ээ, дарагой, я – джигит!

Подъезжают к очередному све-

тофору, там зеленый. Таксист резко тормозит.

– ?

– Ээ, дарагой, надо быть осторожным, на красный свет может другой джигит ехать.

Похоже, тут, действительно, «все друг друга понимают».

Еще одна особенность города – какие-то потрепанные жизнью мужики в ярких жилетах и с палками в руках. Это «стоянщики». Такие самодельные охранники, которые помогут вам найти место для парковки. Естественно, не на добровольных началах. Кто их поставил и почему они взимают плату, в чей карман сыплются собранные ими лари, никто не знает. Но все платят, потому что так принято. А мы же уже знаем, что «в Тбилиси все друг друга понимают».

NB. Я бы совсем не возражал, если на оживленных улицах израильских городов была бы введена такая услуга, но по символической цене и без явного запаха криминала.

А потом был магазин. Точнее, небольшая лавка с продуктами.

– Сколько стоит сыр?

Продавец отрезает половинку круга, не взвешивая, заворачивает ее в пленку.

– Шесть лари

– А чего вы даже не спросили, сколько мне надо? И почему это? Может, мне другой надо?

– А чего спрашивать, когда и так понятно. Вы не отсюда, что ли? В Тбилиси все друг друга понимают.

Как известно, любая социальная установка при завышении ее значимости рано или поздно достигает стадии абсурда. Особенно явно это проявляется в экстремальных ситуациях. Гражданская война между сторонниками Звиада Гамсахурдия с одной стороны и его противниками с другой, нарушила привычное течение жизни. И тбилиское «понимание друг друга» в этих условиях приняло такие фантазмагорические формы, что они стали достойны театральной сцены.

В тяжелую зиму 1991 года город погрузился во мрак, как в прямом, так и в переносном смысле. Но не

только холод, голод и сопутствующие им болезни убивали людей, «поход по обледенелым улицам приравнялся к смертельно опасной вылазке, идти приходилось медленно, расставив руки, чтобы и снайперы, и прятавшиеся в перулках непонятно чьи патрули убедились, что ты безоружен...». Так пишет коренной тбилисец Владимир Головин в книге «Головинский проспект».

Жители города разделились на тех, кто «за» и тех, кто «против». Впрочем, засевшие на крышах снайперы, независимо от своей политической ориентации, регулярно стреляли и по случайным прохожим, и по жилым домам. Страдали

люди, но не меньше страдали и их любимцы.

Дальше в книге описывается ситуация с собачкой Лилькой, которая вряд ли могла случиться в другом городе: «Лилька... реагировала на автоматные очереди однозначно: залезала в шкаф и лапой прикрывала за собой дверцу. Выходить во двор по обычным собачьим делам отказывалась категорически. А природа брала свое. И вот 31 декабря разъяренная Цисана вышла под огнем на середину двора и, используя ненормативную лексику, громогласно обратилась к свирепым обитателям крыш: «Да остановитесь вы, собаке пописать надо!» Наступила грозовая тишина, от которой мы отвыкли. А Цисана с Лилькой гордо прошествовали по лестнице, на какие-то десять минут вновь став хозяйками двора».

И что же там, в Тбилиси, может быть такого, особенного, что «все друг друга понимают»?

Я не сверхсообразителен, но и не туп. В конце концов, у меня за плечами немалый опыт, включающий в себя и переезд из одного столичного города Советского Союза в другой, и эмиграцию в Израиль, и бесчисленное количество путешествий, и многолетнюю работу с людьми. Раз «все друг друга понимают», то проблем быть не должно.

Si Romae fueris, Romano vivito more – в Риме будь римлянином. Пришлось расслабиться и начать «понимать». Уже через пару дней я почувствовал себя в Тбилиси так, как будто провел здесь полжизни. Переходил проспект, как угодно, ожесточенно торговался за каждый лари, обсуждал с прохожими проблемы безработицы, громко сокрушался по поводу разрушающихся старых домов, ругал «бессовестное» правительство, знал, какое вино брать к обеду и к ужину, где оно стоит три за литр, а где пять. И пил, пил, пил это вино. Потому что оно, как ничто другое, способствовало процессу «понимания».

А вот без него никак!

И жизнь начала стремительно налаживаться, поражая новыми своими гранями, но об этом в следующем сне.

Фото автора

(Продолжение следует)

Инга Гаручава. Фото Ноны Лабадзе

ОСТАЛОСЬ НЕДОСКАЗАННЫМ

■ Ирина ДЖОРБЕНАДЗЕ

Сборник стихов Инги Гаручава «Между небом и землей» помещен в одном из крупнейших книжных магазинов Москвы между сборниками Анненского и Гумилева. Место выбрано не случайно. Тот, кто ставил книгу на полку в такой последовательности (низкий ему поклон), понял главное: поэзия Инги несет в себе не только интеллектуальные, духовные, морально-этические и иные высоты, которых достигли большие поэты «Серебряного века», но и дополняет их, привнося в «ноты» поэзии того уникального периода свое и тоже уникальное видение. Инга ушла из жизни в 76 лет, в этом году ей бы исполнилось 80. Большие поэты уходили и в более раннем возрасте, и все они не дописали, не досказали, не успели. Жизнь поэта и его творчество возрастом не измеряется – уход Инги, вне всякого сомнения, прервал самый необычный, по яркости и многообразию таланта, этап ее жизни. Не дописаны не только стихи, но рассказы и пьесы. Многого осталось недосказанным и в человеческих отношениях; многие лишились не только дружбы, но и щедрого участия Инги в их творческих судьбах. Поэт ушел – остались стихи. И это самый глубокий духовный след, который она могла оста-

вить тем, кто находит в поэзии вдохновение, экстаз грусти и счастья, понимание простоты и сложности жизни, а часто – и ее тщетности.

СТИХИ ИНГЕ

То ли силой убежденья, то ли властью невозврата,
Ты мелькнула отраженьем в зимнем сне из водопада,
И сказала, и пропела, или просто намекнула,
Что довольна и спокойна, но с землей не рвется связь.
Связь та странная, слепая, тихая – не ломит сердца.
Связь времен ли, ощущений, связь стихов или любви
Ты не знаешь, не гадаешь, прочь не гонишь, не таишь,
Только часто замечаешь – где-то рядом ты стоишь,
Тихо-тихо наблюдаешь, в водопаде ли, в снегу,
В пыльном солнечном свете, или в струйке дождевой
Не за мной и не за ним, а за шорохом земным,
За тенями от картин, паутиной у окна,
Рыжим цветом за стеклом, серым пеплом под столом.
То ли силой убежденья, то ли властью невозврата,
Постояв – не рвется сердце – возвращаешься назад.

29 ноября 2014 года

Каменный уступ. Моря гладь вдалеке.
Потихоньку бреду. Не к тебе, но к себе.
Потихоньку бреду, нет усталости, зла,
Потихоньку бреду. Я почти что дошла.

Я все знаю про вас, мне слышны хорошо
Все слова и дела, и мне виден ваш свет.
И туманность надежд, и бесспорность потерь,
И хрустальность слезы, упавшей вверх.

Потихоньку бреду. Моря гладь вдалеке.
Чаяк крики гортанны, следы на песке.
Я, конечно, приду, и к нему, и к тебе.
Не сейчас, но потом. А пока я – к себе.

22 сентября 2013 года

Underground

Я здесь работаю. Слегка и иногда.
Беру разгон. Читаю, слышу, знаю.
Прислала Ангела, ты видела его.
А прочих нет. Они еще не понимают,
Где Бог, где Вечность, где Покой.
Они еще идут. Они еще в пути,
И кто-то где-то не споткнется
И добредет до милости Его.
А может кто-то развернется,
Под тихий гул назад вернется
В свой подземельный дом.
Но Он простит. Он будет ждать.
«Когда-нибудь все будут прощены», –
Сказала я, и это будет так.
Когда-нибудь...
Там дуб иссох, там замолчали птицы,

Акварель Ноны Лабадзе

Там ходят с непокрытой головой,
И солнца луч, пронзительный и тихий,
Коснется каждого,
И подземельный дом
Окрасит радуга цветов восьмых, девярых.
Увидь, услышь, не удивись.
Приди сюда. Мы вместе примем их.

19 октября 2013 года

Здесь нет чудесного. Здесь строго, тихо, мирно.
Мы все работаем. Несуточно, и в меру.
Но знаешь, иногда я понимаю,
Что срок продлен, и тут – лишь середина
Дорог земных и неземных, и третьих
Неизвестных мне дорог.
Что впереди – то лучше, ярче, выше,
Там, впереди, начало всех начал.
Там детство, зрелость, встречи и не встречи,
Там звездный час стихов и откровений,
Всего, что кто-то недодал или не взял.
Вот приблизительно такая здесь страна.
Мне нравится, но будет лучше, лучше.
Ты жди. Приду и расскажу, куда иду,
Зачем иду, и как там,
Где повыше.

2 июля 2013 года

Посвящается Инге ПРОГУЛКА С ГОРНОСТАЕМ

Мы не виделись месяцев восемь. Я зашла за ним – открыла своим ключом квартиру, распахнула гардероб, и прижалась к нему щекой. Он пах горько, как полынь, он, наверно, страдал все это время, но мне стало радостно и спокойно оттого, что он здесь, под моей щекой, по-прежнему нежен, мягок и готов прощать меня снова и снова. До тех пор, пока его не съест моль. Но я позаботилась о его долголетию, сунула в карманы пластины лаванды, и вот он цел, невредим, только тут ему душно, одиноко, и в этом виновата я. Только я одна.

Я сняла его с плечиков, встряхнула, влезла в его уютность, улыбнулась нам в зеркало, и мы пошли

гулять. Ты давно этого хотел. Я выбрала удачный день – чуть морозит, в воздухе танцуют снежинки, это именно то, что тебе нужно. Ты прости меня, мой милый, но когда Он привез тебя – не норковую шубку, а именно тебя, горностаю на ней, так приятно обнимающего мою шею до самых серег, я поняла: ты – моя третья любовь. Но, видишь ли, именно ей пришлось хуже всех: тебя подарила мне моя вторая любовь, но я засунула тебя в шкаф в этой чужой пустой квартире, чтоб не обидеть любовь первую. Моя первая любовь всегда со мной, под боком, вторая – эпизодами, но она живет внутри меня, а с тобой мы почти не видимся. Но это ничего. Смотри, как прозрачен воздух, как необъятно небо, как красивы мы, и как я горжусь тобой. Понимаешь, я хочу гордиться и собой, но случается это реже, чем хочется. Горжусь, но очень тихо, когда приходят образы, оттуда, сверху, и когда они заполняют пустоты, от которых шарахаюсь, и поэтому болею. Но приходят они реже, чем хочется, и так выматывают меня, что я не могу видеть ни тебя, ни другую свою любовь, я могу только тянуться к вам, но не дотягиваться. Втроем вы живете в моем пространстве, но все же вне меня, потому что нет гармонии между вами, между вами и мной. Нет, какая-то гармония все же есть, но только тогда, когда с каждым из вас я остаюсь наедине. Но она все равно иллюзорна. Потому что каждого из вас я должна покинуть, чтобы вернуться к другому.

Извини, мы сейчас свернем вон в ту подворотню, потому что навстречу идет кто-то, кому не надо видеть меня с тобой на шее. О, как ты ошетинился, успокойся, ведь это всего лишь жизнь. Главное, нам сейчас хорошо, и неважно, что я могу не увидеть тебя до лета, когда принесу свежие пластины лаванды. Но я всегда буду чувствовать твоё прикосновение, такое нежное и такое горькое.

Знаешь, я больше не могу идти дальше. И обратно не могу. Я не могу засунуть тебя в этот шкаф и делать вид, что со мной ничего не происходит. Ты знаешь, ведь я тоже живу в шкафу, и тоже задыхаюсь, хотя шкаф этот огромен, шумен, многолюден, но до ужаса пуст. Мне никто не кладет в карман лаванду, и меня точит моль, но это другая моль, совсем не та, что убивает горностаю. От нее нет защиты, она влезает в самую твою сердцевину и точит тебя изнутри. Изжить ее невозможно, как невозможно изжить любовь к тебе, к первому и ко второму. Нет, ты не переживай, я не простужусь, норка – очень теплый мех. И меня не собьет машина. Я просто посижу здесь с тобой, на обочине вот этой дороги, чтобы набраться сил, встать, и задыхаться в шкафу дальше.

26 августа 2012 г.

ПАМЯТИ БАЧАНЫ БРЕГВАДЗЕ

■ Союз писателей Грузии

Перевод Камиллы-Мариам КОРИНТЭЛИ

Современная грузинская литература, современная грузинская наука, вся Грузия понесли тяжелую невосполнимую утрату: скончался великий грузинский писатель и ученый Бачана Иовелевич Бреговдзе.

На протяжении десятилетий Бачана Бреговдзе тихо, без всякого шума делал огромное национальное дело: приобщал свой народ лучшим образцам мировой литературы и философии, чем способствовал расширению интеллектуального кругозора современников, и, что так важно в наше жестокое время, напоминал о добре, человеколюбии, о милосердии.

Он родился 11 февраля 1936 года в селе Схави Амбролаурского района. В 1954 году, окончив на золотую медаль схавскую школу, был зачислен на I курс филологического отделения Тбилисского государственного университета, который окончил в 1960 году, а в 1971 году окончил аспирантуру Института философии Академии наук Грузии.

Бачана Бреговдзе в разное время работал лаборантом кафедры классической филологии ТГУ, старшим научным редактором Грузинской советской

энциклопедии, заведующим редакции «Библиотеки Руставели» Главной редакционной коллегии по художественному переводу и литературным взаимосвязям при Союзе писателей Грузии, преподавателем греческого и латинского языков в Тбилисском государственном университете и в Тбилисском институте иностранных языков, читал курс истории византийской литературы везде, где он работал. Повсюду, где трудился этот чистый, как восковая свеча, светлый, доброжелательный человек, он оставил глубокий след как одно из прекрасных воплощений духовного аристократизма, еще раз подтвердивший своей деятельностью, что патриотизм не является профессией, но профессионализм наивысшего стандарта есть патриотизм.

Писательский дебют Бачаны Бреговдзе состоялся в 1960 году, когда в журнале «Цискари» появилась подборка стихотворений итальянских поэтов в его переводе. Дебют оказался блестящим и возвестил литературному миру рождение талантливейшего художника с изысканным вкусом.

С той поры произведения этого блистательного писателя,

ученого и философа систематически публиковались на страницах нашей периодики и издавались отдельными книгами.

Бачана Бреговдзе в совершенстве владел древнегреческим, латинским, французским, немецким, итальянским, испанским, португальским, русским языками, однако, он не был полиглотом в тривиальном значении этого слова. Батони Бачана обладал глубинным, совершенным знанием этих языков. Вероятно поэтому почти все его переводы как золото высшей пробы вошли в сокровищницу грузинской литературы.

Именно в несравненных переводах Бачаны Бреговдзе грузинский читатель познакомился с книгами Ветхого и Нового заветов, с «Поэтикой» Аристотеля, «Пиром», «Федоном», «Ионом», «Меноном», «Ранными диалогами», «Парменидом», «Государством», Платона, с «Эннеадами» Платона, «О возвышенном» Псевдолонгина, «Фрагментами» Гераклита Эфесского, «Исповедью» Блаженного Августина, «Сном Сципиона» Марка Туллия Цицерона, «Новой жизнью» Данте, «Размышлениями» Марка Аврелия, «Мысли» Блеза Паскаля, «Избранной прозой» и

Храм святого Давида на Мтацминда

«Кризисом духа» Поля Валери, с «Государем» Никколо Макиавелли, «Максимами» Франсуа де Ларошфуко, «Опытами» Мишеля Монтеня, «Медеей» Эврипида, письмами Альберта Эйнштейна, с «Максимами и мыслями» узника Святой Елены» Наполеона Бонапарта, с «Опыт о непосредственных данных сознания» Анри Бергсона, «Дон Кихотом» Сервантеса, с драмами Генрика Ибсена,

«Маленьким принцем» Антуана де Сент-Экзюпери, с «Прекрасным сиянием истины» Вернера Гейзенберга, с «Дегуманизацией искусства» и «Восстанием масс» Хосе Ортега-и-Гассета, с «Афоризмами житейской мудрости» Артура Шопенгауэра, с «Генрихом IV» Луиджи Пиранделло, «Историей средневековой философии Альберта Штекля, с произведениями Свами Вивекананды, с «Историей Византийской империи» Шарля Дия, миниатюрами Габриэлы Мистраль, с поэзией Лорки, Мачадо, Хименеса, с трудом Джеймса Дармстетера, «Происхождение персидской поэзии», с «Суждениями господина Жерома Куаньяра» Анатоля Франса... Этот потрясающий список можно продолжить, но и этого больше чем достаточно для того, чтобы подивиться, сколько может сделать один человек, если целью своей сделает неустанное служение родине и народу.

Особо следует отметить комментарии, которыми батони Бачана снабжал свои переводы. В этих комментариях явственно проявился богатый интеллект, широта горизонта, безупречное литературное чутье и вкус поистине уникального художника и ученого. Оно и не удивительно – ведь он был энциклопедически образованный человек.

Четырехтомное собрание его сочинений, в которых он с увлечением исследует творения Марка Аврелия, Псевдо-Лонгина, Платона, Микеланджело, Макиавелли, Блеза Паскаля, Шота Руставели покоряет глубиной мысли и масштабностью, так же, как его исследования достижений современной европейской философии.

Доктор философии Бачана Бреговдзе был избран академиком Академии наук Грузии и достойно продолжил традиции своих предшественников – великих грузинских ученых.

Бачана Бреговдзе – лауреат премий имени Ильи Чавчавадзе, Иванэ Мачабели, Иванэ Джавахишвили, Эквтиме Такашвили, Давида Агмашенебели, Саба, дважды кавалер Ордена Чести.

Совсем недавно исполнилось 80 лет этому великому ученому и художнику. Мы не успели при жизни воздать ему благодарность за его подвижническую разностороннюю деятельность во благо Отечества, грузинского народа и всеобщего духовного прогресса. Одно лишь нам осталось – преклонить колена пред его светлой душой и так проститься с ним, рыцарем Грузии, полностью отдавшим весь свой талант, ум и все силы служению родине.

Девиль Арутюнов-Джинчарадзе

Тбилисская консерватория

готовились и защищались десятки диссертаций, он автор свыше 100 различных работ, среди которых монографии, учебники, программы-конспекты, предисловия к различным книгам коллег (в частности, своего друга Владимира Гогтишвили).

В педагогической и научной деятельности Д.Арутюнова-Джинчарадзе особенно следует выделить его учебник и курс лекций – «Теория и история полифонии» (2010), а также учебник по анализу музыкальных произведений (2004, вторая редакция в 2012 – все на грузинском языке) и многое другое. Поразительная продуктивность! Но, конечно, главным вкладом в музыковедение следует признать цикл работ о великом Араме Хачатуряне. Назову главные из них. Это монография «А.Хачатурян и музыка Советского Востока: язык, стиль, традиции» (М., «Музыка», 1983) и книга-альбом «Арам Хачатурян. Жизнь и творчество» (М., 2003), за которую автор был награжден медалью ЮНЕСКО.

Проблематика его работ затрагивала также творчество и других композиторов, представителей «восточного» и «западного ареала» – всех, конечно в свете вопросов полифонического ракурса (Шопен, Чайковский, Палиашвили, Хачатурян).

Исключительно продуктивной была и педагогическая деятельность Девилья. В числе его воспитанников музыковеды, работающие ныне в Тбилисской консерватории и в других музыкальных заведениях страны: М.Надареишвили, С.Касьян, М.Таблашвили, С.Хмиадашвили, Н.Жвания, М.Сихарулидзе, Н.Торшелидзе, Т.Жвания и др.

С дорогим Девилем я близко сошелся после его окончательного приезда в Тбилиси в 1991 году, чему, конечно, способствовала его, я бы сказал, теснейшая дружба с Владимиром Гогтишвили – очень близким мне человеком.

Дружба наша, разумеется, была основана и на профессиональных, и на человеческих отношениях. Никогда не забуду, как он тепло откликнулся на мое 75-летие, посвятив мне большую статью в газете «Заря Востока».

Все мы, конечно, знали о пошатнувшемся здоровье Девилья, но для всех – его родных, коллег, учеников неожиданная кончина дорогого человека, истинного профессионала явилась тяжелым ударом.

Память о Девиле Арутюнове-Джинчарадзе навсегда останется в сердцах всех, кто его знал и, разумеется, в летописи грузинского музыкального искусства и музыкальной науки.

ТЯЖЕЛАЯ УТРАТА

■ Гулбат ТОРАДЗЕ

Ушел из жизни Девиль Арутюнов-Джинчарадзе (1936-2015) – выдающийся грузинский музыковед, профессор Тбилисской консерватории, заслуженный деятель искусств Грузии, доктор искусствоведения. В лице Девилья Арутюнова-Джинчарадзе грузинская музыкальная общественность потеряла не только крупного музыковеда-теоретика, ученого и педагога, но и личность, наделенную высокими интеллектуальными и моральными качествами, исключительно доброго, отзывчивого, на редкость скромного человека.

Девиль Арутюнов-Джинчарадзе родился в Тбилиси 25 марта 1936 года. Музыкальное образование получил в VI музыкальной школе и IV училище, где его педагогом был известный музыковед-теоретик Христофор Аракелов. Высшее же музыкальное образование приобрел он на теоретико-композиторском отделении Московской консерватории под руководством выдающегося музыковеда, профессора Сергея Скребкова. В консерватории однокурсником Девилья был Владимир Гогтишвили (1929-2009) – впоследствии известный грузинский музыковед. Их связывала большая искренняя дружба до самого конца жизни.

Окончив консерваторию в 1961 году, Девиль остался в Москве, пройдя курс аспирантуры, стал педагогом, затем доцентом и профессором, доктором искусствоведения, завоевав большой научный авторитет.

В 1991 году Д.Арутюнов-Джинчарадзе вернулся в родной Тбилиси, сразу же став одним из ведущих педагогов теоретико-композиторской кафедры. Некоторое время (1991-2006) он работал также в Музыкально-педагогическом институте им. Медеи Палиашвили.

Как в Московской, так и в Тбилисской консерватории Девиль создал свою педагогическую и научно-исследовательскую школу. Под его руководством

Гурам Черкезишвили

СКОРБИМ...

Уход из жизни актера, режиссера, педагога, заслуженного артиста Чечено-Ингушетии Гурама Черкезишвили для многих, кто знал его, стал неожиданностью. Странно... пожилой человек, разменявший девятыи десяток! Но Гурам Георгиевич был настолько несопоставим со своими паспортными данными, так моложав, подтянут и жизнелюбив, что никому не приходило в голову: это его последние дни...

Ежедневно путь Гурама Черкезишвили лежал в родной театр, с которым была связана практически вся его жизнь (впервые он пришел в Грибоедовский в 1960-м). Он не мыслил своего существования вне «грибоедовских» стен; как у многих одиноких людей, у него была острая потребность в общении, исповеди. Он много вспоминал, снова и снова возвращаясь к одним и тем же событиям и фактам своего творчества, людям, с которыми ему довелось встретиться в жизни, в процессе учебы или создания спектакля. С удовольствием рассказывал о своей богатой родословной. Мечтал работать, глубоко переживая свою невостребованность. Создал в своей квартире мини-музей театра Грибоедова и очень гордился этим. Был заядлым книголюбом, часто приобретал и дарил книги. Нежно и трепетно любил свою дочь Соню – больше всего на свете.

Гураму был дан от Бога «тройной» дар: актерский, режиссерский и педагогический (он долго преподавал в институте театра и кино имени Ш.Руставели). Судьбоносную роль в его жизни сыграл Роберт Стура. По возвращении из Москвы, где Черкезишвили учился на киноведческом факультете ВГИКа, Гурам стал думать о профессии режиссера. Встретил однажды Роберта Стура и поинтересовался, что нового в театральном институте, поделился своими планами. Роберт сообщил, что через год Туманишвили будет набирать режиссерский курс, посоветовал Гураму подождать и поступать к Михаилу Ивановичу...

Так и случилось. В 1962 году, уже имея определенный стаж работы в театре, Гурам Черкезишвили поступил на режиссуру к Михаилу Туманишвили. Позднее он вспоминал:

«В приемной комиссии были Дмитрий Алексидзе,

только что вернувшийся из Киева, Михаил Туманишвили, набиравший новую группу, и маститые педагоги, работавшие еще с Котэ Марджанишвили – Кукури Патаридзе, Александр Микеладзе. На экзамене Дмитрий Алексидзе спросил меня: «Ваша фамилия?» «Черкезишвили» – «Фамилия хорошая. А мама?» – «Она из рода Багратиони». Саша Микеладзе – он славился острым языком – пошутил: «Не скажи еще, что твоя бабушка из рода Дадиани!» – «Дадиани – нет, но Амилахвари она была!» – невозмутимо парировал я. И тогда Додо, у которого было потрясающее чувство юмора, заявил: «Этого человека мы либо должны брать без экзаменов, либо гнать его к чертовой матери!» Решили все-таки взять... И когда я вышел в коридор, кто-то тронул меня за плечо. Это был Саша Микеладзе. Он поинтересовался: «Юноша, как тебе удалось спастись от Лаврентия Берия? С такой-то фамилией!»...

Однокурсниками Гурама были Гоги Кавтарадзе, Нугзар Лорткипанидзе, Евгений Гинзбург, Давид Кобахидзе. Каждый из них оставил заметный след в искусстве.

Гурам Черкезишвили очень гордился тем, что великий Туманишвили доверил ему поставить свой курсовой спектакль «Волшебник Изумрудного города» А.Волкова не в стенах института, а в тбилисском ТЮЗе, с которым связана его яркая творческая молодость. Как вспоминал Гурам Георгиевич, это было замечательное время, он много играл. Одна из его коронных ролей на этой сцене – Гекльберри Финн.

Позднее Гурам поставил «Волшебника» на грибоедовской сцене, но по-другому... В театре Грибоедова он осуществил целый ряд удачных спектаклей для детей. Среди них – «Белоснежка и семь гномов» братьев Гримм.

А первый свой спектакль в театре Грибоедова Г.Черкезишвили поставил вместе с Сандро Товстоноговым, который и привел Гурама Георгиевича в театр (в 1976 году) в качестве режиссера. Вместе они поставили спектакли «Свободная тема» А.Чахидзе – о школьниках-выпускниках, и «Последнее слово за вами» Г.Данаилова.

Плодотворный, успешный период в творчестве Гурама Черкезишвили был связан с народной артисткой СССР Натальей Михайловной Бурмистровой. С ней он осуществил три постановки: «Старомодная комедия» А.Арбузова, «Трагический поединок» А.Ставицкого, «Звезда немого кино» И.Ольшаницкого. Гурам Георгиевич часто и с большой теплотой вспоминал работу с этой выдающейся актрисой. Как и совместные постановки с Гизо Жордания (тогда худруком театра): «Человек, который платит» И.Жамиака, «Святой и грешный» М.Ворфоломеева, «Время следователя» А.Котетишвили и другие. Успехом пользовался спектакль Гурама Черкезишвили «Гнездо глухаря» по пьесе В.Розова.

Многим довелось оценить Гурама Георгиевича как актера уже в зрелые годы. Запомнились его крепко, профессионально сделанные работы в спектаклях Авто Варсимашвили «Рашен блюз» и «Мастер и Маргарита» М.Булгакова, Давида Мгебришвили «Самубийца» Н.Эрдмана и «Мистификатор» И.Гаручава и П.Хотяновского, Вахо Николава «Карьера Артуро Уи» Б.Брехта. Как правило, это были запоминающиеся характерные образы.

Больно, что мы больше никогда не увидим ни за кулисами, ни на сцене, ни на улицах города хрупкую фигурку, как многим казалось, вездесущего, подвижного, как ртуть, стремительного и общительного Гурама Черкезишвили. Театр, в метафизическом понимании слова, принадлежал этому труженику сцены, как и он – театру.

SINCE 1884

SARAJISHVILI

ს ა რ ა ი შ ვ ი ლ ი

ПОЛЕНОВО
ДОМ-МУЗЕЙ ВАСИЛИЯ ПОЛЕНОВА